

Ки Анна, Тупикин Влад. Выбить фашизм. Анархистский антифашизм в теории и на практике

2009, источник: [здесь](#). Антология текстов, посвящённых теории и практике анархистов в противостоянии фашизму, составлена Анной Ки и издана «Kate Sharpley Library» в Англии в 2006 году. Анархисты никогда не чурались борьбы против фашизма. Эта книга описывает физические и идеологические битвы, в которых анархисты сражались против фашизма и его авторитарного видения. Она начинается с борьбы «Народных смельчаков» против чернорубашечников Муссолини, немецких анархо-синдикалистов против Гитлера и испанской революции 1936 года. Раскрыта также история анархистского антифашизма в борьбе против Национального фронта в Британии в семидесятые и действия групп «Без

платформы», Антифашистского Действия и Антирацистского Действия в конце века. Документы из России и Австралии и интервью с современными активистами из Британии и Северной Америки дополняют исчерпывающий обзор идей и практики анархистского антифашизма. Описание основных вех истории столкновений между анархистами и фашистами — не главное в этой книге. Она критикует идеологические построения и тактики фашистов — такие, как террор и расизм — с анархической точки зрения, а также анализирует различия в методах между анархистами и другими антифашистами — либералами и авторитарными социалистами.

- Под орех. Предисловие к русскому изданию
- Анархизм, Национализм, Фашизм
- Герхард о национал-социализме
- Фашизм в сегодняшней Британии — левые и Национальный фронт [1976]
- Давайте познакомимся поближе...
- За мир без фашизма
- Очень краткий список для чтения
- Примечания

Под орех. Предисловие к русскому изданию

“ «Дать пизды — это зачастую борьба. Это срабатывает».

Тупикин В.

Написать предисловие к книжке про анархистский антифашизм и не скатиться к прославлению насилия довольно трудно. Однако я попробую. Попробую, пояснив роль насилия в нашей жизни.

Сам я дрался с фашистами раза три или четыре — немного. И каждый раз это были стычки один на один. Не скажу, что выходил из них победителем физически (выбитые зубы — мои зубы — тому подтверждение), но посрамления противника, столкнувшегося с конкретным идейно мотивированным сопротивлением, совершенно неожиданным для него, я добивался всегда. Они же считают нас, антифашистов, всех людей доброй воли — недочеловеками, а себя — «расой господ», хотя чаще всего тянут разве что на шайку закомплексованных дебилов.

Возможно, мои личные моральные победы над неонацистами подкреплялись бы и физическим превосходством и, тем самым, как знать, приводили бы к расшатыванию тотальной их уверенности в себе, в собственной безнаказанности, а то и — к сдаче позиций, если бы...

Если бы в детстве я научился драться.

Но в детстве мне явно не хватало подобной кулачной практики. В детстве вся школа и весь двор обходили меня стороной. Боялись связываться. В детстве у меня была репутация... Как бы это помягче выразить... В общем, они полагали, что я — ебанько. Перейдя в третьем классе в новую школу (мы с матерью по семейным обстоятельствам переехали на окраину города), я не нашёл себе подходящей компании и обособился — со своими книжками и газетками, песнями Высоцкого и западными радиостанциями, которые я слушал лет, чтобы не соврать, с семи. Словом, вёл жизнь социального и интеллектуального изгоя на фоне обычного полуподмосковного хулиганства, хохочущего гопничества и прочего задиранья юбок девчонкам.

Собственно, всё дело, конечно, в девчонках. Он подвалил ко мне в школьном коридоре, наглый и неустрашимый, сильно младше меня, и сразу же потребовал денег: «Выворачивай карманы». — «Денег я тебе не дам», — начиная нервничать, ответил я. Рядом стояли девочки, я уже интересовался ими, и вывернуть карманы было бы просто... ну просто

физически невозможно.

Драться я не умел. Мой противник понимал это и, рассчитывая на быструю победу, слегка стукнул меня, как бы предупреждая. Я заводился всё сильнее: «Отстань, денег я не дам...» — «Борзеть?!» — он стукнул меня уже сильнее. «Была — не была», — сказал во мне кто-то миролюбивый, поёживаясь, — и я не стал ждать третьего удара. С яростным криком: «Сука!» я схватил его рукой за его курчавые, удобные для такого приёма волосы, и стал бить головой о стену. Раз, два, три, четыре... Цели убивать мерзавца у меня не было. Была цель даже не проучить — отвадить. На шестом ударе я остановился. Противник рыдал. Меня трясло.

Потому я и не научился драться. После этого случая любители почесать кулаки обходили меня стороной. А мой тогдашний обидчик, наоборот, пытался лебезить, протягивал мне руку метра за четыре, ну и всё такое.

У меня никогда и не было цели научиться драться, мне претил этот тупой способ выяснения отношений и расстановки авторитетов. Я читал свои книжки и слушал своего (нет, не так, — нашего общего) Высоцкого. И это хорошо, что сознательно ли, интуитивно ли, я выбил из своего противника желание привязываться ко мне, а всем остальным, таким же или подобным, дал урок на будущее.

Эта книжка, предисловие к которой я сейчас пишу, а вы читаете, называется «Выбить фашизм». Значит ли это, что я хочу провести примитивную аналогию между историей с современным фашизмом в России и историей моего школьного прошлого? (Подумалось вдруг: я хуярил этого наглеца головой о стену примерно в то же время, когда панк-рок хуярил культурный перегиб современного капитализма — примерно в 1977-м; я тогда ничего не знал об этом, но сейчас, ретроспективно, я радуюсь, что уже тогда, одинокий и нелюбимый девочками, я был с панками на одной волне.) Да, друзья и подруги, я её, эту аналогию, уже провёл. Если вам надо расколоть орех, вы не будете голосовать, митинговать и выбирать депутатов по ореховому вопросу, — вы хорошенько долбанёте по нему, если щипцы не помогают. Но если вы решили озаботиться проблемой выращивания орехов, их доставкой и справедливым распределением, скорее всего, вам придётся и заседать, и митинговать, да и вообще — серьёзно кумекать головой. Но чтобы расколоть орех — всё-таки бить. И, заметьте, одно без другого не живёт. Выращивание орехов мы обсуждаем, но сами орехи — колом, разбиваем путём приложения нешуточной физической силы. И никто не видит тут противоречия — ни либералы, ни пацифисты, ни прочие толерасты.

А вот при подходе к проблеме фашизма как системы взглядов и действий, а также к уличному насилию конкретных приверженцев фашизма, такого единодушия и диалектики почему-то нет.

Из либерального лагеря то и дело слышишь: «Избивая фашистов, антифа уподобляются им, сами становятся с ними на одну доску». Полная ерунда!

Фашисты убивают. Уже сегодня и уже давно убивают, причём делают это на регулярной и организованной основе. Фашисты давно уже развязали террор (если вы помните значение

этого слова, — внушение страха и ужаса, запугивание, — и ещё немножко читали статистику фашистского насилия — вы согласитесь с этим).

Что ответить на это? Что противопоставить? Понять, откуда он вообще взялся, русский фашизм, можно, безусловно, с помощью мозговых усилий. А вот сделать так, чтобы фашистское насилие остановилось в обозримые сроки, чтобы прервалась поставка кадров в фашистские боевые группы только лишь усилиями мозгов невозможно. Тут нужны ещё какие-то усилия, как и в случае с орехом, не так ли? Назовём их физическими усилиями, или прямым действием.

Часто антифашистов, дерущихся на улицах, считают гопотой, неучами и чуть ли не питекантропами. Это не так. Людей, вставших на пути у фашистских банд, привела к тем позициям, на которых они сейчас стоят, конечно, критическая мысль человеческая. Они сначала размышляли, обсуждали, гадали, судили-рядили. А потом просто перешли к делу. И это не то же самое дело, которым заняты неонаци. Антифа никого не убивают. Они бьют, они воспитывают действием.

Потому что воспитание говорильней, вздохами в печати и ментовскими проработочными кампаниями для отписки ничего пока не дало. Милиции велели, возможно, не очень всерьёз велели — переписать всех наци-скинхедов (научимся, кстати, называть наци-скинхедов правильно — бонхедами, или, по-простому, бонами), а та, словно в издёвку, взяла под козырёк и переписывает в свою секретную базу разнообразно волосатых неформалов, готических девочек 14-ти лет, а также добавляет эмоционального шока и без того застрёманным эмо.

Это не борьба с бонами, это профанация.

А дать пизды — это зачастую борьба, это срабатывает.

Хочешь быть фашистом — получай по щекам. Хочешь повелевать «инородцами» — слушай повеление «добротого кулака» красных и анархо-скинхедов. Это понятно и конкретно; доёбываешься к школьникам в коридоре — головой о стену. Доёбываешься к иногородним, приезжим, слабым или просто неблондинистым —... Ну, я не очень-то знаю, в какие именно чувствительные места бьют фашистов антифа. Во-первых, драться не умею. Во-вторых, не участвую в силовых акциях антифашистского движения.

Но, как и в случае со вскрытием скорлупы орехов, считаю их неизбежными.

* * *

Те, кого я не убедил, кто считает, что я фуфлыжник, что аргументы у меня детсадовские etc., etc., — ну, ОК, хватит уже читать предисловие, почитайте уже саму книжку. Малатеста и Роккер, небось, поумнее меня были, излагали вдумчиво и, вместе с тем, страстно.

Страсть! Вот это слово! Вот это понятие! Вот это явление жизни. Страсть, нежность, ярость, обострённое чувство справедливости — вот что есть у действующих антифа и чего так порой не хватает многим прекрасноречивым.

Vale.

Теперь действовать будут они.

Влад Тупикин.

Москва-Санкт-Петербург,

9 мая 2008 года, День Победы

Анархизм, Национализм, Фашизм

Что такое анархизм?

Анархизм — это политическая теория, противостоящая государству и капитализму. Она утверждает, что люди, обладающие экономической властью (капиталисты) или политической властью (политики всех мастей, левые, правые или центристы), используют эту власть для собственной выгоды, а не для улучшения благосостояния общества, вопреки их собственным утверждениям. Анархизм утверждает, что ни эксплуатация, ни правительство не являются естественными явлениями, и что общество, основанное на свободе, взаимопомощи и равном распределении благ жизни, будет работать лучше существующего ныне.

Анархизм также является политическим движением. Анархисты принимают участие в повседневной борьбе (против бедности, любых видов угнетения, войны и т. д.), а также продвигают идею всестороннего изменения общества. Основываясь на горьком опыте, они предупреждают, что «революционные» начальники ничего не изменят к лучшему: «цели» и «средства» (то, чего вы хотите, и то, как вы этого добиваетесь) тесно связаны.

Введение

Эта брошюра даёт ряд анархистских описаний фашизма и того, как с ним можно бороться. Она фокусирует внимание не на событиях в долгой истории анархистского антифашизма, а на идеях: скорее «как» и «почему», чем «кто» и «когда» из анархистов сопротивлялся фашизму. Мы надеемся, что она окажется интересной и полезной как для активистов анархистского движения, так и для всех, кто интересуется противостоянием фашистским идеям и действиям.

Используемое в этой брошюре «рабочее определение» состоит в том, что фашизм является насильственным подавлением рабочего класса и всех его организаций, сопровождающимся захватом контроля над государством и обществом партией, желающей пожертвовать всем ради своей идеи нации. Зачастую эта «нация» определяется по расовому признаку, и расизм является распространённым методом организации фашистов. Но в его сердце — культ государства и насильственные действия, чтобы его «обновить». Фашизм отличается от других видов диктатуры тем, что не просто опирается на насилие полиции и армии, но создаёт свою собственную силу, чтобы пропитать собой и затерроризировать общество. Фашисты используют правящими классами или вступают с ними в союзы, но они не всегда ими контролируются: у фашистских движений есть свои собственные цели.

Анархисты неизменно являются антифашистами, однако наш антифашизм не рассматривает фашизм в качестве «плохого правительства» и не просит «хорошее правительство» нас спасти. Фашизм — это просто наихудшее правительство, и мы противопоставляем ему классовую борьбу, освобождение человечества и физическое противодействие. Как это в 1936 году сказали анархистки из группы «Mujeres Libres» («Свободные женщины»):

Быть антифашистом — это слишком мало; человек является антифашистом, потому что он уже кто-то ещё. У нас есть положительное утверждение, которое мы можем выставить против этого отрицания[...], — рациональная организация жизни на основе работы, равенства и социальной справедливости. Если бы этого не было, антифашизм для нас был бы бессмысленным словом.

Фашизм обладает высокой приспособляемостью — использовано может быть всё, что приведёт его ближе к власти. Пока одни продолжают строить из себя штурмовиков и справлять дни рождения Гитлера, другие пытаются выдать себя за простых «националистов» или «демократов». Они пытаются повернуть гнев одной части обездоленных против другой при помощи «расовых проблем» и «проблем с иммиграцией». В этом им помогают средства массовой информации и другие политические партии: пытаются ли они эксплуатировать их или снять напряжение, никто из них не может указать на настоящую проблему — проблему начальников.

Анархисты не считают, что люди должны отдать контроль над своими жизнями вождям. Нам не нужны работодатели. Мы хотим жить в свободном мире, а не быть заключёнными в мире, разрезанном на государства, расы и рынки. Выбить фашизм — это жизненно важная часть этой борьбы за свободу. Читайте дальше, чтобы узнать, как это может быть сделано...

Правила выживания

Никогда не бросайте никого из своих.

Никогда не давайте показания полицейским. Если вас задержали, не давайте никаких показаний. Можно почти гарантировать, что они скажут: «Ваши друзья сказали нам, что X Y Z, так что вы можете просто признаться в том, что сделали вы». Ничего не говорите. Никто не болтает — все гуляют!

Лучше сделать какое-то одно серьёзное дело, а потом сразу же убраться из этого района, и остаться в живых, чтобы можно было продолжать борьбу завтра.

Очистите карманы с утра. Если вас задерживают, когда у вас с собой небольшое количество наркотиков, маленький перочинный нож или записная книжка, ваша жизнь может существенно усложниться. Носите с собой достаточно денег, чтобы в случае необходимости можно было поймать такси.

Держите себя в хорошей физической форме и много не пейте.

Четыре человека, которые знают, что они делают, могут быть куда эффективнее четырёх сотен бесполезных распространителей газет. Так что постарайтесь найти небольшую группу людей, которые не убегут и не расколются, если дело примет серьёзный оборот, и держитесь за них.

Постарайтесь заранее подготовиться — тактика, местная география, номера телефонов на крайний случай и т. д. Как говорил Джо Томас, «самые лучшие спонтанные революционные действия, на самом деле, всегда хорошо планируются заранее!»

Из книги «Мочи фашню».

Фашизм

Фашизм — это популистское, коллективистское и государственническое движение, выступающее против «монополистического» капитализма и против коммунизма. Хотя фашизм ищет приверженцев во всех общественных классах, привлекает он по большей части представителей средних классов, так как он, как кажется, предлагает «альтернативу большевизму», одновременно позволяя им охранять свои интересы за счёт утверждения себя в качестве Третьей Силы между транснациональным и государственным капитализмом.

Фашизм кормится на неудовлетворённости, злобе, преувеличенном национализме, антикоммунизме и расовых предрассудках: всё это — характерные особенности периодов политической и социальной нестабильности.

Фашизм не разработал рациональную систему идей, и он особенно привлекателен для тех, кому не хватает критической способности собрать воедино все относящиеся к делу факты и факторы при оценке положения и собственных чувств; для людей, которые по привычке или по инерции стали полностью зависеть от других в своих мнениях и которые находят слепое повиновение власти как комфортабельным, так и выгодным.

Из книги Стюарта Кристи «Стефано Делле Киае: Портрет «чёрного» террориста».

Спонтанный антифашизм

Значительное число настроенных бунтарски и антиавторитарно молодых людей привлекает боевой антифашизм. Суть этого спонтанного антифашизма, разумеется не заключается в изощёренной критике фашистских теорий или в подробном понимании фактической истории фашистского движения. Это скорее инстинктивное отвержение традиционных фашистских представлений о том, кто является высшим и кто — низшим; что представляет собой добропорядочную жизнь и что — развращённую. Фашисты хотят создать общество и культуру только для тех, кого они считают высшими людьми. Мы — нет. Они хотят дисциплины и порядка. Мы желаем автономии и творчества. Их цель — идеализированное, преимущественно мифическое прошлое, мы хотим совершенно другого будущего. Они строятся за всемогущими вождями; мы хотим критичных и сознательных рядовых участников движения.

Дон Хамерквист в книге «Противостояние фашизму: дискуссионные документы для боевого движения».

Италия стала колыбелью фашизма с его теорией «национального перерождения» и его практикой уничтожения организаций рабочего класса, что сочеталось с опорой на государство для защиты от любого противодействия. В конце концов 28 октября 1922 года итальянский правящий класс вручил Муссолини власть после так называемого «Похода на Рим». Но ещё до этого анархисты были на переднем краю борьбы антифашистского сопротивления, как это показано здесь.

Анархисты против итальянского фашизма

После Первой мировой войны, в которой Италия принимала участие начиная с 1915 года и в которой она потеряла сотни тысяч человек, в стране начался период острого социального напряжения и борьбы... забастовки, агитация, кампании против роста стоимости жизни, бесконечные народные демонстрации были ключевыми событиями 1919–1920 гг. Кульминацией стал захват большого числа фабрик в сентябре 1920 года. Сильнейшей левой организацией была Социалистическая Партия; она также контролировала крупнейшую профсоюзную организацию (Генеральную конфедерацию труда Италии, CGIL), и её газета «Вперёд!» («Avanti!») была самым популярным оппозиционным изданием. Однако социалистическое движение было расколото глубоким внутренним расхождением между реформистами (умеренным крылом) и максималистами (более воинственной фракцией). Второе место на левом крыле занимало анархистское движение, тогда во многом организованное вокруг «Unione Anarchica Italiana», который между 1920-ым и 1922-ым выпускал собственную ежедневную газету «Umanita Nova», тираж которой составлял 50 тысяч экземпляров. Анархистские группы, большую часть членов которых составляли пролетарии, в той или иной степени существовали по всей Италии. Во многих ключевых районах влияние анархистов равнялось или превосходило влияние социалистов. В любом случае, благодаря преобладающему анархистскому влиянию на революционный профсоюз «Unione Sindacale Italiana» (который в 1920-ом насчитывал почти полмиллиона участников, и секретарём его являлся анархист Армандо Борги), анархисты задавали тон в классовой борьбе, спорах с работодателям, кампании солидности с революционной Россией..., выступая за специфически революционные средства.

Соответственно, было ясно — когда (из-за робости социалистов) захваты фабрик потерпели поражение и движение вступило в полосу великого кризиса, именно на анархистов обрушился первый удар репрессий государства и работодателей.

К октябрю 1920-го Эррико Малатеста, Армандо Борги и многие другие товарищи были арестованы и на несколько месяцев брошены в тюрьмы. Хотя потом они и вышли на свободу, властям всё же удалось от них избавиться на довольно значительный период.

Фашизм возник именно на этом фоне антипролетарской, контрреволюционной реакции. В качестве движения он сформировался в 1919 году на базе расплывчатой программы, соединявшей консервативные цели со смутно социалистическими (не стоит забывать, что всего за пять лет до этого Бенито Муссолини был национальным лидером Социалистической

Партии и директором её газеты «Avanti!»). Тем не менее, вскоре фашисты выказали свои истинные симпатии. Они встали на сторону владельцев фабрик и земельных магнатов против трудящихся, их организаций, стремлений и борьбы. Фашистские банды врываются в помещения социалистических и анархистских организаций, грабят конторы профсоюзов, ранили и убивали наиболее воинственно настроенных активистов. Деятельность фашистов становилась всё более и более распространённой. Их доставляли к месту проведения оргий разрушения и смерти на принадлежащих карабинерам грузовиках, иногда среди них тоже затёсывались карабинеры... те самые карабинеры, долг которых официально состоял в «поддержании порядка» и «защите закона». За ними выстроилась значительная часть класса работодателей, желавших отомстить за «великий страх», наведённый на них революционными пролетарскими восстаниями и борьбой 1919–1920 гг.

В ответ на насилие фашистов анархисты выпустили призыв к прямому действию, чтобы вызвать ответное насилие. Малатеста и другие активисты не скрывали жизненной необходимости того, чтобы не оставить безответными нападения фашистов, поддерживаемые или, по крайней мере, терпимые государством; они также разглядели не только классовое и авторитарное значение растущей волны фашистского насилия, но и опасности, скрытые в подходе социалистов. По разным причинам, и социалисты, и коммунисты (Коммунистическая Партия появилась в январе 1921 года после отсоединения небольшой группы от Социалистической Партии) отвергли линию анархистов и (это особенно касается социалистов) предпочли вместо этого работать над заключением «пакта о ненападении» с фашистами; подобный пакт был и впрямь подписан летом 1921-го. Совместно подписавшие документ стороны обязались отказаться от использования насилия и т. д., и т. п. То, что за этим последовало, можно было с лёгкостью предугадать. Социалисты соблюдали соглашения, в то время как фашисты продолжали и даже увеличили насилие. Тем не менее, пока лидеры социалистов цеплялись за действия в рамках закона, многие рядовые социалисты, коммунисты и участники других радикальных левых групп вступили в движение «Arditi del Popolo» («Народные смельчаки»), чтобы ответить пролетарским насилием на насилие фашистов. «Arditi del Popolo» представляло собой практически спонтанное движение: во многих районах, его продвигали анархисты, которые с нетерпением ждали единого сотрудничества всех левых сил в борьбе. Во многих местах (Сарцана и Парма — просто наиболее известные примеры) атаки фашистов были успешно отбиты, и восхождение фашистов к власти было затруднено. Тем не менее, в конце 1922 года король назначил Муссолини главой правительства, и в течение четырёх лет все, кто выступали против него, были объявлены вне закона, парламент распущен, а вся пресса подвергнута предварительной цензуре. Это означало триумф диктатуры, тайное сопротивление которой никогда не прекращалось. В этом движении сопротивления, начавшемся в 1919 году и закончившемся в 1945-ом с изгнанием нацистских войск (режим Муссолини пал в июле 1943 года), анархисты играли важную роль, не в последнюю очередь благодаря их численности.

Все силы и партии, которые более или менее боролись с фашизмом, делили власть с 1945 года до нынешнего момента [1981 год], наживаясь на своих «антифашистских» заслугах, как на орудии в своих политических кампаниях. Это в наибольшей степени касается коммунистов, которые были, в том, что касается организаций, крупнейшей антифашистской группировкой. По контрасту, анархисты, разумеется, не вмешивались в эти кампании и

выступали против них; кроме того, они продолжали, в других формах, бороться с эксплуатацией, несправедливостью, капитализмом, церковью и т. д. На бесконечных антифашистских поминовениях упомянули всех (даже случайного христианского демократа или карабинера, что противостояли фашизму), — точнее, всех, кроме анархистов. Наш вклад в борьбу против фашизма — вклад, оплаченный идеями, жизнями людей, кампаниями, страданиями и тюремными сроками — был (вполне логично) проигнорирован. [...]

Читатель (даже англоязычный) без труда сможет уловить тесную связь между личным поведением и социальными целями анархистов, вовлечённых в антифашистскую борьбу. Я должен выделить два момента: во-первых, принимая участие в бесчисленных вооружённых акциях сперва против фашистских банд, затем против репрессивного аппарата фашистского государства и после этого против нацистских войск, итальянские анархисты (привлекшие к себе внимание после 1936 года трагическим опытом Испании, где сражалось несколько сотен итальянских активистов) всегда чурались духа милитаризма и иерархии и постоянно подчёркивали даже своим поведением свою неограниченную либертарную, антиавторитарную методологию. Во-вторых, в своём использовании и в пропаганде использования насилия, в коллективной ли форме вооружённого восстания или в индивидуальной форме тираноубийства, анархисты, в общем, были столь же неистовы в своём отвержении реформистской нерешительности и в своём поощрении рабочих к использованию ответного насилия, сколь они были осторожны не позволять себе заходить далее необходимого — они ограничивали свою собственную роль миссией «мстителей» и на этом заканчивали. На самом деле, для анархистов борьба против фашизма была (хотя и являлась борьбой со специфическими характеристиками) с самого начала воспринята как часть более широкого революционного проекта, направленного на построение либертарного социализма и достижение наибольшей возможной свободы. Так что это была борьба, которую нельзя было прекратить — и прекращена она не была.

Паоло Финци, Милан, июнь 1981.

Муссолини у власти

Итальянский ветеран-активист Малатеста приберёт суровые слова для политиков, которые поощряли фашизм, и ещё более суровые — для тех, кто отговаривал рабочих Италии от самообороны, которая одна могла бы предотвратить их поражение. Это поражение было громадным, несмотря на ошибку Малатесты, думавшего, что «по большому счёту, ничего бы не изменилось».

Фашизм наконец-то оказался у власти — кульминация затянувшейся серии преступлений.

И Муссолини, Дуче, если его так можно описать, начал с того, что стал обращаться с депутатами парламента, как наглый хозяин мог бы обращаться с тупыми, ленивыми слугами.

Парламент, призванный быть «поборником свободы», показал, чего он стоит.

Мы этим ничуть не взволнованы. Нечего выбирать между хвастуном, что брызгает слюной и разбрасывается угрозами, потому что он чувствует себя в безопасности, и прислужником трусов, что, кажется, погряз в своём унижении. Давайте лишь отметим — причём не без чувства стыда, — что за люди нами управляют и от чьего ярма мы не смогли освободиться.

Но каково значение и каковы последствия, каков вероятный исход этого нового способа добиваться власти во имя и по повелению короля, нарушая конституцию, которую король поклялся чтить и защищать?

Помимо поз с претензией на наполеонство, которые на самом деле являются лишь позами комической оперы, если не действиями паханов, мы верим, что, по большому счёту, ничего бы не изменилось, разве что в течение какого-то времени усилится давление полиции на рабочих и тех, кто занимается подрывной деятельностью. Возвращение [реакционных итальянских политиков XIX века] Криспи и Пеллу. Старая история о том, как браконьер стал егерем.

Чувствуя угрозу прилива пролетарского движения, не будучи в состоянии разрешить неотложные проблемы войны, не в силах защитить себя обычными, законными репрессивными средствами, буржуазия увидела, что всё потеряно, и была рада приветствовать военного деятеля, объявившего себя диктатором и отвечающего на попытку освобождения кровавой баней. Но именно в тот момент, в период сразу после войны, все было слишком опасным, и он мог бы спровоцировать революцию, а не изгнать её дух. В любом случае, спасителя-генерала не было видно, или, по крайней мере, из строя выходили лишь пародии. Вместо этого на поверхность выскочили авантюристы, которые, не найдя достаточного поля действия для своих амбиций и appetитов в рядах занимающихся подрывной деятельностью, решили сыграть на страхах буржуазии, предложив ей, за соответствующее вознаграждение, содействие нерегулярных сил, которые, уверенные в своей безнаказанности, могли быть выпущены на рабочих без того, чтобы напрямую скомпрометировать тех, кто предположительно пользуется плодами осуществляемого насилия. И буржуазия приветствовала, заказывала и оплачивала подобное содействие; собственно правительство, или, по крайней мере, некоторые из агентов правительства, решили снабжать их оружием, помогать им, когда они могли сами сильнее пострадать во время нападения, гарантировать им отсутствие наказания и предварительно разоружать будущих жертв нападения.

Рабочие не знали, как отвечать на насилие насилием, потому что в них воспитывали веру в закон и потому что, даже когда каждая иллюзия была разбита, а поджоги и убийства процветали под доброжелательным взглядом властей, люди, которым они верили, проповедовали среди них терпение, спокойствие, красоту и мудрость того, чтобы «героически» позволять себя избивать без сопротивления, так что они были избиты и оскорблены, потеряв своё самое ценное имущество, потеряв лицо, достоинство и чувства.

Возможно, когда все учреждения рабочих были уничтожены, их организации разогнаны, их наиболее выдающиеся и считающиеся опасными деятели убиты, посажены в тюрьму или низведены до беспомощного положения, буржуазии и правительству захотелось притормозить новых преторианцев, которые ныне лелеют мечту стать хозяевами над теми,

кому они ранее служили. Но к тому времени было уже слишком поздно. К тому времени фашисты были слишком сильны и намеревались вытребовать чрезмерную плату за оказанные услуги. И буржуазии придётся раскошелиться, и она, разумеется, постарается возместить свои убытки за счёт пролетариата.

Результат: увеличение бедности, увеличение угнетения.

Что же касается нас, то мы можем лишь продолжать свою борьбу, как всегда, полные веры и энтузиазма.

Мы знаем, что наш путь усыпан несчастьями, однако мы сознательно и охотно его избрали, и у нас нет причин с него сходить. Все, в ком есть чувство достоинства и человеческой порядочности и кто желает посвятить себя борьбе за всеобщее благо, знают, что им надо быть готовыми встретиться с разнообразными разочарованиями, болью и жертвами.

Поскольку никогда не было недостатка в тех, кого ослепляли демонстрация силы и кто вечно питает тайное восхищение перед победителем, теперь также есть занимающиеся подрывной деятельностью, которые говорят, что «фашисты научили нас тому, как делают революцию».

Нет, фашисты нас равным счётом ничему не научили.

Они совершили свою революцию, если её можно описать подобным образом, с разрешения вышестоящих лиц и находясь на службе у своего начальства.

Предавать друзей, ежедневно отступать от исповедовавшихся ещё вчера идей, если это оказывается выгодным, предлагать свои услуги начальству, стремиться получить заверения в согласии политических и юридических властей, разоружать своих оппонентов силами карабинеров, чтобы потом нападать на них вдесятеро превосходящими силами, военная подготовка, которую не приходится скрывать, принимать грузы вооружения, транспорт и военное снаряжение от правительства, а затем получить вызов от короля и поместить себя под Божью защиту... ничто из этого не относится к вещам, которые мы могли бы или хотели бы украсть. И это всё относится к вещам, которые, как мы предупреждали, буржуазия допустит, как только почувствует для себя серьёзную угрозу.

Вместо этого приход фашизма должен стать уроком для конституционных социалистов, которые думали — и, увы! — продолжают думать, что буржуазия может быть побеждена голосами половины электората плюс ещё один голос, и которые отказывались нам верить, когда мы им говорили, что если они бы когда-то и достигли большинства в парламенте и попытались бы — если можно воспользоваться подобной абсурдной гипотезой — установить социализм через парламент, их бы согнали с их мест!

Эррико Малатеста, «Umanita Nova», 25 ноября 1922.

Во имя правды

В период захватов фабрик я никогда не прекращал проповедовать необходимость расширить движение и мчался от одной фабрики к другой, призывая к сопротивлению. Я говорил рабочим: «Если вы оставите фабрики, хозяевами которых вы являетесь сегодня, потом вы вернётесь как рабы, как псы с поджатым хвостом, и вы вновь впадёте в состояние несчастья и униженности, из которого вам удалось вырваться».

Преобладающей темой в моих речах было вот что: «Действуйте немедленно, или буржуазия заставит вас заплакать кровавыми слезами за то, что вы сделали».

На последнем митинге, который удалось провести в Риме — когда фашизм был на грани успеха — перед толпой примерно в 50 тысяч человек Энрико Ферри, выступая от имени социалистов, призвал их сохранять спокойствие и уверенность, подождать, пока не наступит подходящий момент, всё это — во имя «неизбежной эволюции», «законов Истории» и т. д. В то время как я сказал — действуйте, сопротивляйтесь, встречайте насилие насилием, или завтра... будет слишком поздно.

Эррико Малатеста, «Pensiero e Volonta», 1 октября 1926.

Победа фашизма расколола итальянские общины за границей. Даже среди эмигрантов-антифашистов не было согласия в том, как лучше всего победить фашизм. Анархисты призывали к прямому действию, организовывали сопротивление рабочего класса и иногда за это дорого расплачивались. Историк Крешьяни в статье «Пролетарские мигранты: фашизм и итальянские анархисты в Австралии», впервые опубликованной в журнале «The Australian Quarterly» (март 1979), приводит мотивацию одного из активистов анархистского движения:

Прямое действие

Эта философия прямого действия, непрестанно проповедовавшаяся и практиковавшаяся итальянскими анархистами, разительно отличала их от других итальянских политических групп [в Австралии], которые, подобно коммунистам, посвящали себя организации, или, подобно более респектабельным социалистам из «Concentrazione Antifascista dell'Oceania», концентрировали свои усилия на праздновании побед или поражений прошлого. В действительности именно эта приверженность к действию сделала анархистов настолько популярными и привлекла к ним столько сторонников. Как сказал в 1930 году [Франческо] Карманьола, «мы должны вспоминать наших мучеников не только речами и цветами, но и винтовками, не как рабы, но как люди. Мы должны не праздновать, но мстить. Народ, который не борется с насилием насильственными методами, который становится на колени и трусливо терпит то, что навязывают бесчестные наёмники, недостоин так называться».

В Германии гитлеровская НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, или нацисты) последовала по проложенному муссолиниевскими чернорубашечниками пути: постаралась выбить левых с улиц и призвала к национальному возрождению (т. е. передаче им власти). В отрывке из книги «Национализм и культура» (1938) немецкий анархо-синдикалист Рудольф Роккер указывает на общую для них технику строительства культа государства — культа, который требовал жертв своей власти. Он также размышляет о

чертах современного общества, которые способствуют зависимости от «спасителей».

Национализм и фашизм

Так называемая «государственная концепция фашизма» появилась только после того, как Дуче добился власти. До этого фашистское движение сверкало всеми цветами радуги, так же как до недавнего момента национал-социализм в Германии. На самом деле, у него не было определённого характера. Его идеология была пёстрой смесью интеллектуальных элементов из самых разнообразных источников. Власть ему дала жестокость его методов. Его отчаянное насилие не могло заботиться о чужих мнениях просто потому, что своих у него не было. То, чего государству не хватало для превращения в идеальную тюрьму, фашистская диктатура дала ему с избытком. Крики Муссолини о либерализме закончились сразу после того, как диктатор прочно захватил в свои руки государственную власть в Италии. Наблюдая быструю смену мнения Муссолини о значении государства, невольно вспоминаешь слова молодого Маркса: «Ни один человек не борется против свободы, — борется человек, самое большее, против свободы других. Во все времена существовали, таким образом, все виды свободы, но только в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право».

Муссолини, на самом деле, превратил свободу в привилегию для самого себя, и чтобы этого добиться, он осуществил жесточайшее угнетение всех остальных; так как свобода, которая пытается заменить ответственность человека перед другим человеком бессмысленным диктатом власти, — это сущий произвол и отрицание всякой справедливости и всякой человечности. Но даже деспотизму нужно оправдать себя перед людьми, которые подвергаются угнетению. Чтобы ответить на эту необходимость, появилась государственная концепция фашизма.

[...] Цель фашистского философа государства вполне ясна. Если для Гегеля государство было «Богом на земле», то Джентиле хотел бы возвести его в положение вечного и единственного Бога, который не потерпит никаких других богов над собой или даже рядом с собой и который абсолютно доминирует во всех областях человеческой мысли и человеческой деятельности. Это — последнее слово тенденции политической мысли, которая в своей предельной абстрактности теряет из вида всё человеческое и заботится о личности только постольку, поскольку она служит жертвой, бросаемой в раскалённое чрево ненасытного Молоха. Современный национализм — это только воля-государства-превыше-всего и полное растворение человека в высших целях власти. Важнейшее значение имеет тот факт, что современный национализм происходит не от любви к своей стране или к своему народу. Наоборот, он коренится в амбициозных планах меньшинства, которое жаждет диктатуры и во что бы то ни было намерено навязать народу определённую форму государства, хотя бы это и было совершенно противно воле большинства. Слепая вера в волшебную силу национальной диктатуры должна заменить в человеке любовь к дому и чувство духовной культуры своего времени; любовь к окружающим должна быть раздавлена «величием государства», для которого личности должны служить кормом. [...]

Влияние либеральных идей прошлого столетия, по крайней мере, привело к тому, что даже консервативные элементы общества были убеждены в том, что государство существует для

граждан. Фашизм, однако, заявляет с брутальной искренностью — цель личности состоит в том, чтобы быть полезной государству. «Всё ради государства, ничего вне государства, ничего против государства!» — как это выразил Муссолини. Это последнее слово в националистической метафизике, которая в нынешних фашистских движениях обрела пугающе конкретную форму. Хотя это всегда было скрытым значением всех националистических теорий, сейчас это стало их ясно выраженной целью. То, что они так определённо обрисовали эту цель, является единственным достоинством их нынешних представителей, которые в Италии и даже в ещё большей степени в Германии так нежно любимы и так свободно поддерживаются хозяевами капиталистической экономической системы — потому что они были столь раболепны перед новым монополистическим капитализмом и всей своей властью помогали осуществлению его планов по возведению системы промышленного крепостничества.

Дело в том, что вместе с принципами политического либерализма идеи экономического либерализма тоже должны быть аннулированы. Точно так же, как сегодняшний политический фашизм пытается проповедовать человеку новое евангелие, утверждающее, что он может претендовать на жизнь только постольку, поскольку он служит сырьём государству, современный промышленный фашизм пытается показать миру, что не промышленность существует для человека, но человек для промышленности, и он существует, лишь чтобы быть ей полезным. Если фашизм принял в Германии самые ужасающие и бесчеловечные формы, то это в значительной степени благодаря варварским идеям немецких экономических теоретиков и ведущих промышленников, которые, так сказать, показали, что фашизм — это верный путь. Немецкие капитаны индустрии, пользующиеся всемирной славой, такие, как Гуго Штиннес, Фриц Тиссен, Эрнст фон Борсиг и многие другие, смогли жестокой искренностью своих мнений вновь предоставить доказательство того, в какие бездны холодного презрения к человечеству может низринуться человеческий дух, когда он лишён любых общественных чувств и обращается с живыми людьми как с мертвыми цифрами. [...]

Мы теперь наблюдаем такой же [религиозный] феномен в Германии, где национализм за потрясающе короткое время развился в гигантское движение и вселил в миллионы людей слепой экстаз, в котором они с правоверным рвением ожидали пришествия Третьего Рейха, ожидая — от человека, который был совершенно неизвестен несколько лет назад и который до тех пор не предоставил ни малейшего доказательства какой-либо творческой способности, — что он прекратит все их несчастья. Это движение, кроме того, в конечном счёте, всего лишь инструмент для получения политической власти небольшой кастой. Для возвращения себе потерянного после войны положения им подходили любые средства, которыми они могли надеяться «умно спрятать конечную цель», как любил выражаться коварный Бонапарт. [...]

Можно спокойно игнорировать этот слепой религиозный пыл, который в своей детской беспомощности кажется почти невинным; однако эта кажущаяся невинность мгновенно исчезает, когда фанатизм энтузиастов служит могучим и жаждущим власти в качестве орудия их тайных планов. Ибо эта обманутая вера недоразвитых, подпитываемая скрытыми источниками религиозного чувства, раздувается до дикого неистовства и превращается в оружие неотразимой мощи, освобождая путь любому злу. Не говорите нам, что ужасающая

материальная нужда наших дней одна ответственна за эту массовую манию, лишая ослабленных долгими годами несчастий людей способности к мышлению и заставляя их верить любому, кто подкармливает их усиленные голодом страстные желания заманчивыми обещаниями. Военное безумие 1914 года, закружившее весь мир в сумасшедшем вихре и сделавшее людей недоступными любому голосу рассудка, появилось в то время, когда люди были гораздо обеспеченнее материально и когда призрак опасного экономического положения не преследовал их всё время. Это доказывает, что подобные феномены не могут быть объяснены исключительно на основании экономики и что в подсознании людей существуют скрытые силы, которые не могут быть логически поняты. Это — религиозный порыв, всё ещё живущий в современных людях, хотя форма веры и изменилась. Клич крестоносцев «Такова воля Бога!» вряд ли вызовет эхо в сегодняшней Европе, однако по-прежнему существуют миллионы людей, готовых на всё, если этого желает нация! Религиозное чувство приняло политические формы, и политический человек сегодня противостоит естественному человеку не менее антагонистично, чем человек прошлых столетий, зажатый в тисках церковного догматизма.

Само по себе массовое безумие верующих было бы не слишком важным; его всегда можно найти у родников чудесного, и оно мало склонно к практическим соображениям. Но намерения тех, кому это безумие служит в качестве средства для достижения цели, имеют большее значение, пусть даже в вихре крупных событий их тайные побуждения в целом не улавливаются. И в этом таится опасность. Абсолютный деспот прошлых времён мог утверждать, что правит милостью Божьей, однако последствия его действий всегда отражались на нём лично; ибо в глазах мира его имя должно было покрывать всё, и правильное, и неправильное, так как его воля была высочайшим законом. Но под прикрытием нации всё может быть спрятано. Государственный флаг прикрывает любую несправедливость, любую бесчеловечность, любую ложь, любой произвол, любое преступление. Коллективная ответственность нации убивает чувство справедливости в личности и доводит человека до того, что он игнорирует совершённую несправедливость; до того, что ему, на самом деле, может показаться, что совершается похвальное деяние, если оно совершается в интересах нации.

«А идея нации, — говорит индийский поэт-философ Тагор, — является одним из самых мощных обезболивающих средств, когда-либо изобретённых человеком. Под влиянием его паров целый народ может осуществлять систематическую программу самого разрушительного своекорыстия, ни в малейшей степени не осознавая его моральную извращённость — на самом деле, чувствуя себя опасно обиженным, когда на него указывают». [Rabindranath Tagore, *Nationalism*, New York, 1917, p. 57]. Тагор назвал нацию «организованным эгоизмом». Термин хорошо избран, но мы не должны забывать, что мы всегда имеем дело с организованным эгоизмом привилегированных меньшинств, которые прячутся под юбками нации, прячутся под легковерием масс. Мы говорим о национальных интересах, национальном капитале, национальных сферах интереса, национальной чести и национальном духе; однако мы забываем, что за всем этим спрятаны просто эгоистичные интересы любящих власть политиков и любящих деньги деловых людей, для которых нация — это удобная ширма, за которой можно спрятать от глаз мира их личную жадность и их интриги в поисках политической власти. [...]

Развитие технологии за счёт человеческой личности и особенно фаталистическая покорность, с которой громадное большинство соглашается на эти условия, — это причина, по которой желание свободы менее живо среди современных людей и во многих из них полностью заменено желанием экономической безопасности. Этот феномен не должен казаться таким уж странным, так как вся наша эволюция достигла стадии, на которой почти каждый человек — либо управляет, либо управляем; иногда и то, и другое. Это весьма усилило отношения зависимости, так как истинно свободному человеку не нравится ни роль управляющего, ни роль управляемого. Он прежде всего занят тем, чтобы сделать свои внутренние ценности и личные способности действенными таким образом, чтобы позволить ему использовать собственное суждение во всех делах и быть независимым в действиях. Постоянная опека над нашими действиями и мыслями сделала нас слабыми и безответственными; отсюда — непрекращающиеся призывы к сильному человеку, который должен покончить с нашим несчастьем. Эти призывы к диктатору являются не знаком силы, а доказательством внутреннего отсутствия уверенности и свидетельством слабости, хотя те, кто их издаёт, и пытаются придать своим призывам видимость решительности. То, чего человеку больше всего не хватает, он больше всего и желает. Чувствующий свою слабость ищет спасения в чужой силе; слишком трусливый или робкий, чтобы поднять руку и самостоятельно определить свою судьбу, — вверяет её другому. Как был прав Зойме, когда сказал: «Нация, которая может быть спасена только одним человеком и хочет быть так спасена, заслуживает порки!» [...]

Необходимо освободить человека от проклятия власти, от каннибализма эксплуатации, чтобы высвободить в нём те творческие силы, которые могут постоянно давать его жизни новый смысл. Власть низводит человека до мёртвой детали машины, приводимой в движение высшей волей. Культура делает из него хозяина и творца собственной судьбы и углубляет в нём то чувство общности, что рождает всё великое. Освобождение человека от организованной силы государства и тесного рабства нации — это начало нового человечества, которое чувствует, как растут его крылья в свободе, и которое находит свою силу в сообществе.

Из книги Рудольфа Роккера «Национализм и культура».

Дуррути о борьбе против фашизма

“ Через четыре года, 19 июля 1936 года, испанский рабочий класс дал классический пример того, как останавливают фашизм. Не просто нанеся поражение коалиции правых, военных и фашистов на баррикадах, покрывших половину Испании, но и коллективизировав землю и фабрики и начав социальную революцию. Конечно, революция не пережила предательство Коммунистической партии и колебаний ведущих анархистов, однако она показала, что именно было возможно. Буэнавентура Дуррути в знаменитом интервью Пьеру Ван Паасену из газеты «Торонто Дейли Стар» даёт анархистский взгляд на то, насколько ограниченной будет польза от любого правительства в борьбе против фашизма.

Для нас это вопрос о сокрушении фашизма раз и навсегда. Да, несмотря на правительство. Ни одно правительство в мире не будет бороться с фашизмом насмерть. Когда буржуазия видит, что власть ускользает из её рук, она может обратиться за поддержкой к фашизму. Либеральное правительство Испании давно могло бы лишиться силы фашистские элементы. Вместо этого оно колебалось, шло на компромиссы и занималось ерундой. Даже сейчас, в этот момент, в правительстве есть люди, которые хотят мягкого обращения с мятежниками. Никогда не знаешь, как говорится — нынешнему правительству ещё могут понадобиться эти мятежные силы, чтобы сокрушить рабочее движение...

Мы знаем, чего мы хотим. Для нас ничего не значит, что где-то там есть Советский Союз, ради спокойствия которого рабочие Германии и Испании были принесены Сталиным в жертву фашистскому варварству. Мы хотим революции здесь, в Испании, прямо сейчас, а не, может быть, после следующей европейской войны. Мы с нашей революцией сейчас представляем намного большую угрозу для Гитлера и Муссолини, чем вся Красная Армия России. Мы даём пример немецкому и итальянскому рабочему классу в том, как надо разбираться с фашизмом.

Я не ожидаю никакой помощи для либертарной революции ни от одного правительства в мире. Возможно, что конфликтующие интересы различных империалистов окажут какое-то влияние на нашу борьбу. Это вполне вероятно. Франко изо всех сил старается втянуть Европу в конфликт. Он не будет медлить с тем, чтобы натравить на нас Германию. Но мы не ожидаем помощи, даже от нашего правительства, в конечном счёте.

[Ван Паасен перебивает: «Вы будете сидеть на груде руин, если вы одержите победу».]

Мы всегда жили в трущобах и конурах. Мы сможем как-то временно устроиться. Потому что вы не должны забывать, что мы можем и строить. Именно мы построили эти дворцы и города здесь, в Испании, в Америке и повсюду. Мы, рабочие, можем построить новые, чтобы они заняли их место. И даже лучше. Мы ничуть не боимся развалин. Нам будет принадлежать вся земля. В этом нет никакого сомнения. Буржуазия может взорвать и уничтожить свой собственный мир перед тем, как покинуть сцену истории. Мы несём новый мир здесь, в наших сердцах. Этот мир растёт в эту минуту.

Герхард о национал-социализме

Политические и экономические цели нацистов

Немецкие анархисты не ограничивались написанием толстых книг. Хотя они представляли собой меньшую часть движения рабочего класса, чем в Италии, немецкие анархо-синдикалисты вносили свой вклад в агитацию — и борьбу — против нацистской угрозы. Эти отрывки извлечены из вышедшей в 1932 году брошюры «Через Хильдбургхаузен к Третьему Рейху! Национал-социализм и рабочий класс», которую написал Х. В. Герхард (псевдоним доктора Герхарда Вартенберга (1904–1942), умершего в концлагере Заксенхаузен). Она была написана всего за несколько месяцев до прихода нацистов к власти. Название — малопонятная сейчас шутка, касающаяся усилий Гитлера по получению немецкого гражданства, чтобы получить возможность принять участие в выборах. Однако вполне ясен призыв к боевому отпору рабочего класса, чтобы нанести нацистам поражение на улицах.

Политические цели национал-социалистов кое в чём сильно изменились, но в одном их программа осталась неизменной: подход к проблемам общества с авторитарной позиции, ведущей к подчинению, дисциплине и слепому повиновению. Разумеется, старая монархия им предпочтительнее новой республики, и они особенно любят старую армию, которую они, видимо, взяли себе за образец, судя по тому, что они хотят нас снова довести до войны. Те, кто считает, что они преодолели восхищение старым милитаризмом, должны ознакомиться с мнением Гитлера о старой армии:

“ «Хороших качеств в старой армии было намного больше, чем в других учреждениях... не существует армий, призванных поддерживать мир, только призванные успешно вести войну. Вот тем и была хороша старая армия, что, по крайней мере, в этом организме, вне зависимости от того, что говорилось в Рейхстаге, мир видели таким, каким он есть и всегда будет». («Национал-социалистический ежемесячник», 1930, № 3).

Милитаризм, власть как мировоззрение — вот что такое национал-социализм. Даже если человечество развивалось в направлении от власти к большей личной свободе в обществе, гитлеровский лозунг — назад, назад:

“ «Не может быть системы, основанной на чём-то ином, кроме власти сверху вниз и ответственности снизу вверх, иначе какое-либо руководство

невозможно, и мы оказываемся в анархистско- большевистских условиях».

Вождь нацистов сказал это в беседе с Отто Штрассером. Но, возможно, эти анархистско- большевистские условия всё же лучше Третьего Рейха? Это вопрос, который, видимо, не возникал перед герром Гитлером, так как он причисляет себя к «новому правящему классу», призванному управлять рабочими, которым нужно только «хлеба и зрелищ». Но Гитлер тут сильно ошибается; рабочие ещё выскажут своё мнение о Третьем Рейхе. [...]

Враждебность нацистов к движению рабочего класса реальна. Мы видели, кроме того, что нацисты сделали всё возможное, дабы доказать, что они готовы управлять. Это значит, что их стремление к власти, их стремление к диктатуре над обществом также реально. Наконец, мы увидели, что они пожертвовали своими предполагаемыми социалистическими и националистическими целями, что они приспособились к буржуазному обществу, т. е. эти цели были только показными.

Мы можем заключить, что Третий Рейх значит ничто иное, как диктатуру для угнетения рабочих. Мы называем подобную диктатуру фашизмом, — он является признанным идеалом нацистов. Как сказал Фрик:

“ «Точно так же, как Муссолини уничтожил марксистов в Италии, мы должны добиться того же через диктатуру и террор».

«Марксизм» в понимании национал-социалистов означает, разумеется, рабочее движение вообще, будь то профсоюзы, ассоциации, партии и так далее, причём в нём необязательно должно присутствовать какое-то марксистское мировоззрение, оно может быть реформистским или, как в Испании или Италии, синдикалистским — фашизм нападает на всех. [...]

Национал-социалистический террор

Несмотря на все социальные лозунги, национал-социалисты никогда не смогли бы вырасти в шестимиллионную партию, если бы они не подходили к своим оппонентам с орудиями самого убийственного террора. Как сказано в «Национал-социалистическом ежемесячнике» № 1 за 1930 год:

«Беспомощность буржуазных партий перед лицом марксистского наступления выразилась не только в отсутствии у них идей, но также и в отсутствии у них храбрости бросить вызов марксистским маршам своими собственными и защитить себя при необходимости против попыток террора».

Это явно сильно преувеличено, однако здесь есть крупинка правды: буржуазия больше не могла играть роль самого главного хозяина, как раньше, от рабочего движения уже нельзя просто так избавиться — так что появилась нужда в партии, которая использовала бы социальные лозунги в своей пропаганде — и террор в борьбе.

Было установлено, что за последние несколько лет в Германии несколько сотен человек из разных партий стали жертвами нацистского террора, количество раненых исчисляется тысячами. «Тревога» заключает, что с апреля по июль 1930 года 21 человек погиб от рук нацистских банд и более 200 были серьёзно ранены. [...]

«Кёльн, 22 января. Серьёзное политическое преступление произошло прошлым вечером на улице Паланцер в пригороде Зюльц. Группа коммунистов, которые беседовали на улице, была без всякой провокации атакована проходящими мимо национал-социалистами. Коммунисты стали защищаться. Во время драки национал-социалисты произвели ряд револьверных выстрелов. Один выстрел убил механика В. Хёшеля, принадлежащего к Коммунистической партии. Он оставляет четверых малолетних детей...»

Разумеется, терроризируемый рабочий класс также прибегает к актам мести, в чём его нельзя винить. Посему искать виновных в отдельных случаях — скучно. Суть дела в том, что подобные происшествия не случались в таком масштабе до 1929 года, что означает — они напрямую связаны с подъёмом НСДАП. [...]

Призывать полицию бороться против национал-социалистического террора — ошибка, потому что полицейские силы наводнены носителями свастики, кроме того, государство не использует полицию так, как могло бы, ибо государство само смотрит на носителей свастики снизу вверх. [...] За пределами нацистского рая в Тюрингии и Брауншвейге, множество нацистов состоит в полиции и армии. [...] Мы как революционные рабочие должны из этого заключить, что полиция и армия, хотя их часто представляют как «республиканские» силы, не могут вести какую-либо борьбу против фашизма. Мы должны этим заняться сами. [...]

Республиканский фашизм

Демократические партии при каждой возможности подчёркивают, что они отвергают национал-социализм и хотят править, руководствуясь либеральными принципами. Но можно сразу доказать — правительство Брюнинга и вся политика центристских партий указывают на то, что они хотят и рыбку съесть, и на ёлку влезть, что они и хотели бы избавиться от нацистов, однако уклоняются от того, чтобы им хоть как-то повредить, даже, в конце концов, прямо или опосредованно дают им преимущество. [...]

Чрезвычайные меры 28 марта 1931 года свидетельствуют о крупном шаге в этом гибельном направлении. Предполагается, что они должны быть направлены против политических беспорядков и драк. Согласно им, даже частные собрания должны быть зарегистрированы в полиции, демонстрации — конечно, тоже. Как во времена Вильгельма, полиция вновь надзирает над собраниями и, разумеется, может их разгонять. Нарушения караются тремя месяцами тюрьмы. Столь же суровые приговоры предназначены тем, у кого есть оружие, наклейки, листовки и т. д. Организации могут быть распущены, газеты — запрещены, печатные материалы — конфискованы. Почти все маленькие «свободы» Веймарской конституции этим отменены, причём не каким-то решением Рейхстага, а подписью административных органов, после того, как они ловко дождались, пока Рейхстаг сделает перерыв в сессиях.

Разумеется, эти меры направлены не против национал-социалистов и их друзей, но в основном против революционного пролетариата. Чтобы это доказать, мы можем отметить упомянутые выше методы судов, которые должны внедрять эти меры. Уже в первые дни некоторые рабочие получили очень суровые приговоры просто за попытки проводить демонстрации и распространять объявления.

Разгром и разоружение рабочих, единственной антифашистской силы, культурная реакция наихудшего рода, скрытое предпочтение и потворство нацистам в административных органах, капитуляция перед их террором, принятие их требований — это ведущие к фашизму шаги, к которым нас подталкивают. Выдвинут ли Гитлера и Геббельса вперёд те, кто работают за кулисами, или же они оставят управление фашистской Германией так называемым демократическим партиям — не главный здесь вопрос. Самый главный вопрос — смогут ли рабочие удержать и расширить свои немногочисленные завоевания против наступления объединённой реакции, или же они потеряют все свои права. Это — борьба, в которой любое правительство будет против них, как бы оно ни называлось. В этой борьбе рабочий класс зависит только от собственной мощи.

Что такое национал-социализм?

Национал-социалисты утверждают, что их партия — это состоящее из самых разных людей движение, направленное на обновление Германии. Они, возможно, в какой-то степени правы, утверждая, что представляют все классы. Среди них есть и рабочие.

Разочарованные, озлобленные, лишённые работы люди, которые надеются найти какое-то существование среди штурмовиков и т. д., могут быть в рядах рабочих национал-социалистов. Но не переоценивайте их число! Потому что, в конце концов, оно должно быть небольшим. Пока что на выборах рабочие партии сохраняли своих избирателей. Отношения между нацистами и рабочими становятся ещё более ясными, если поглядеть на некоторые цифры с выборов в рабочие советы. Среди транспортных рабочих Гамбурга нацисты получили целых 200 голосов из 6225 рабочих, в «Хохбане» — 187 из 1803 голосов. В фирме «Бринкман и Мергель» в Гамбурге нацисты получили только 50 из более чем 1000 голосов. [...]

Хотя эти примеры показывают, что влияние нацистов среди трудящихся и рабочего класса минимально, надо также учесть, что на большинстве рабочих мест нацистская фракция даже не создавалась из-за отсутствия необходимых сил. Далее, мы пока что ничего не слышали о национал-социалистических профсоюзах, хотя национал-социалисты и создают независимые организации во всех сферах. Это многое позволяет понять. При этих условиях едва ли можно говорить о национал-социалистическом рабочем движении. В партии Гитлера рабочих не больше, чем в любой другой буржуазной партии. Даже в них попадают рабочие и служащие, никак не снижающие реакционную природу этих партий. [...]

Померанский дворянин, майор а. Д. ф. Бредов даже хочет мобилизовать всех своих коллег-аристократов, чтобы окончить эти «лишённые кайзера, ужасные времена». С негодованием он вопрошает — неужели в продолжение этой борьбы «часть аристократии желает быть безучастными зрителями и не признавать освободительные усилия «стальных шлемов» и

национал-социалистов? Люди в этом движении — наши боевые отряды в битве с внутренним врагом...»

В конце концов, количество аристократов, которые безучастно наблюдали за событиями, не могло быть особенно большим, они почти все уже состоят в НСДАП или похожей организации. Пролетариат, к сожалению, не так сильно стремится защищать свои права...

Можно, конечно, предположить, что князья и дворяне навязывают своё участие партии, и им не так уж рады. Но те, кто знает, что со всеми этими людьми обращаются с большим уважением и что они часто занимают руководящие посты, особенно в СА, больше этому не поверят. Однако позиция НСДАП по отношению к высшему свету становится особенно явной в попытке газеты «Народный обозреватель» («Voelkischer Beobachter») изобразить принца Августа-Вильгельма в качестве «рабочего»: «Профессор — такой же рабочий, что и кузнец, продавец — такой же, как железнодорожник. Так что и сын принца, который ищет интеллектуальной деятельности, в политике или где-то ещё, может считать себя своим среди рабочих». НСДАП как защищающая князей и дворян гвардия — вот реальность. И такая деятельность, как стрижка купонов, получение прибыли от процентов, отдых на курортах и т. д., — это, конечно, работа. Иначе бы партия Гитлера не насчитывала бы такого количества промышленников и капиталистов среди своих друзей. [...]

Пока что мы обсудили рабочих, фермеров, реакционеров из аристократии и промышленников. Учитывая, что сочувствующие нацистам рабочие — это только немногочисленные разочарованные и обозлённые рабочие или те, что всегда были реакционерами, и что другие классы никогда не смогли бы сформировать массовую партию, как это удалось нацистам, успех этой партии не может быть объяснён тем, что было пока что сказано. Между прочим, интересы и традиционные взгляды этих классов настолько разнонаправлены, что было бы трудно создать объединённое движение. Не хватает чего-то, что их объединяет. Это предлагает средний класс, особенно независимые ремесленники и торговцы, но также служащие, чиновники, представители свободных профессий и т. д. Мы не хотели бы недооценивать социальное значение этого класса. Против 14,4 млн. рабочих у нас в Германии, согласно переписи населения 1925 года, было 5,5 млн. людей, работающих не по найму, из которых 90 процентов можно считать мелкой буржуазией или мелкими владельцами, а также 5,3 млн. служащих и чиновников. Этот буржуазный средний класс оказался в [нацистском] движении потому, что его раздавливает между пролетариатом и корпоративным капиталом.

Сперва нам надо поговорить о городском среднем классе. Раньше существовало множество ступеней между простым ремесленником и крупным производителем. Сейчас в большинстве отраслей существуют только мелкие мастерские и одна корпорация. Раньше можно было купить любой продукт во многих разных видах и ценовых категориях, сегодня существует несколько «торговых марок» с заранее определёнными ценами. Раньше было множество ступеней между маленькой лавкой и универсальным магазином в центре города. Теперь во всех частях города есть универмаги и магазины с единой ценовой политикой, и они принадлежат одной и той же корпорации. Сегодня многие фабрики открывают свои собственные магазины и поддерживают широкую систему продаж и кредитов. Домовладение было вначале сконцентрировано в руках крупных строительных корпораций,

а затем, благодаря состоянию экономики, прибыльность недвижимости уменьшилась. Коллективные мастерские, потребительские кооперативы, книжные клубы, все формы коллективной организации лишают мелкую буржуазию возможности существовать. Хлебозавод медленно уничтожает пекаря, мороженое мясо и крупные бойни превращают мясника просто в торговца мясом, молочные фермы и молокозаводы работают в том же направлении, хозяева пивных становятся зависимы от пивзаводов. Экономическая жизнь во всё возрастающей степени организуется или монополиями, или коллективами, ниша для мелких лавочников и ремесленников исчезает. Подобный утопающий класс обычно обращается к радикальным учениям, чтобы бороться вместе с национал-социалистами против банков, против универсамов, и даже принимает путаный «социализм».

В сельской местности ситуация похожа. Аграрный кризис позволил антисемитским идеям и идеям о борьбе против республиканского государства распространиться среди фермеров. Они зашли настолько далеко, что взрывали бомбы и штурмовали финансовые учреждения, чтобы силой предотвратить аукционы. Эта напряжённая атмосфера в сельской местности Германии, разумеется, является богатой почвой для национал-социализма. [...]

Борьба с фашизмом

Если пролетариат не хочет потерять все свои права, как это было во время действия законов о социализме, если он не хочет претерпеть те же несчастья, что выпали на долю нашим братьям в Италии и других странах, если рабочему движению вообще суждено существовать в будущем, то пролетариат должен вести энергичную борьбу против фашизма в различных его формах, но особенно против национал-социализма. Несмотря на то, что мы можем признавать товарища по классу и человека в отдельном национал-социалисте — рабочем, служащем, фермере или ремесленнике, мы должны вести беспощадную борьбу против движения в целом, против фюрера, против организованных действий нацистов, Мы видели в Тюрингии и Брауншвейге, что рабочий класс был лишён своих прав фанатичными реакционерами Фриком, Франценом и их друзьями, и даже безобидные республиканцы и пацифисты подверглись преследованиям. Это показывает нам, что нас ожидает в тот день, когда Третий Рейх обрушится на нас во всём своём великолепии. Тогда будет слишком поздно для противодействия, национал-социалисты используют государственный аппарат для безжалостной диктатуры, направленной против любых освободительных и социалистических начинаний.

Мы знаем, что интеллектуальные вожди этих разрозненных, деклассированных средних классов — это крупные промышленники и монархисты-реакционеры, которые также поддерживают направленную на это пропаганду. Мы особенно должны бороться с этими кукловодами, даже если они не так выходят на передний план в повседневной борьбе, как их марионетки Гитлер, Геббельс, Лей и т. д.

Единство и энергичная борьба на рабочем месте, на бирже труда и всюду, где сходятся пролетарские массы, являются посему первым необходимым условием победы над фашизмом.

Но что мы видим сегодня? Профсоюзные «шишки» душат любые забастовки, они позволяют нападению на уровень заработной платы происходить без какого бы то ни было сопротивления, социал- демократы и центральные профсоюзы продолжают поддерживать полуфашистское правительство Брюнинга. С другой стороны, Коммунистическая партия Германии (КПГ) обладает готовым решением всех вопросов, а именно: «Только под руководством КПГ может быть одержана победа». Партия и её группы- сателлиты верят, что обладают монополией на организацию пролетариата, и бросают рабочему классу связи полученных из Москвы случайных лозунгов, вместо того, чтобы извлекать лозунги из нужд и настроений масс. Революционная профсоюзная оппозиция (РПО) загоняет рабочих в зачастую безнадежные столкновения посредством лживых отчетов и обмана, не имея возможности поддержать забастовщиков. Поэтому логично, что в столь трудные времена кризиса, как сейчас, 90 % всех стачек терпят неудачу. И это не изменить далёкими от правды отчётами в коммунистической прессе. К чему ещё может привести эта заблуждающаяся политика обеих партий, кроме как к упадку духа, разделению и озлоблению рабочих?

Мы, анархо-синдикалисты, не хотим никакой реформистской политики терпимости, но мы не хотим и авантюристской тактики РПО. Мы хотим единства между рабочими снизу, в борьбе, на рабочих местах, на биржах труда. Мы хотим вести хорошо подготовленную борьбу, которая всё ещё возможна, несмотря на кризис и безработицу; борьбу, которую рабочие сами хотят и которой сами руководят. Но для этого необходимы сильные, революционные, независимые профсоюзы, которые видят только интересы рабочих и не танцуют под дудку каких-то партийных «шишек» в Рейхстаге или в Москве. Такие боевые профсоюзы являются целью-анархо-синдикализма. [...]

Объединённой борьбы на рабочем месте за экономические интересы рабочих, разумеется, недостаточно, чтобы нанести поражение фашизму. Потому что на рабочих местах, на биржах труда, на своих собраниях пролетариат не сталкивается с нацистами, особенно с их бригадами гражданской войны, штурмовиками. СА работает преимущественно на улицах. Террор этих мальчиков-убийц — самое опасное оружие фашизма. Мы должны особенно постараться нанести им поражение.

Вновь нужна массовая атака на трусливых молодчиков из СА, которые обычно решаются нападать только на отдельных людей или на небольшие группы. И вновь мы видим здесь наихудшие разделения. «Eiserne Front» [«Железный фронт», СДПГ], прозванный в народе «Жестяным фронтом» или «Ржавым фронтом», действует отдельно от сил КПГ и других групп, и наоборот.

Давайте вспомним Контингент Ста 1923 года. Тогда пролетариат стоял вместе на рабочем месте, в целом, вне зависимости от партийной ориентации, и сформировал свою боевую армию, которая добилась заметных успехов в некоторых местах, но также иногда только играла в военные игры. Только такое единство в практической защите против фашизма сможет вновь отвести от немецкого пролетариата эту ужасную опасность. Только это единство, которое должно идти снизу, с рабочих мест, с бирж труда, из жилых кварталов, может вернуть пролетариату ту боевую мощь, которая ему столь отчаянно нужна. Так что долой особенные интересы партий в сопротивлении фашизму!

Ни пустые демонстрации, вроде тех, что проводит Жестяной фронт, ни отчаянные действия, индивидуальный террор вроде проводимого коммунистами во многих местах, не продвинут пролетариат в борьбе против фашизма. Вместо этого, борьба против СА должна проводиться планомерно и систематично, с использованием превосходящих сил, без ненужных военных игр. Принцип должен быть такой: никаких провокаций, никаких необоснованных нападений, но убеждённое преследование всех убийц и бандитов, которые пролили пролетарскую кровь или как-то ещё сделали себя непопулярными. Никаких ненужных вооружённых акций, никаких ненужных столкновений с государственными силами, но законные действия в порядке самозащиты. Никаких опрометчивых неожиданных нападений, но подробное наблюдение и надзор над врагом. С систематическим использованием пролетарских сил можно и должно будет вновь вытеснить фашизм с улиц и одержать над ним победу.

А если Гитлер вновь попытается предпринять ещё один путч, как в ноябре 1923 года, что тогда? Что делать, если мы вдруг обнаружим перед собой более или менее законное правительство Гитлера? Тогда может быть только один лозунг, который также имел успех в борьбе против Капповского путча в 1920-ом: всеобщая забастовка. Фашистское правительство должно быть свергнуто, как только оно возьмёт власть, иначе оно закрепится, захватит государство и установит диктатуру, как мы уже видели в Италии и многих других странах. Это будет означать время неисчислимых страданий для революционного пролетариата. В связи с этим, нам нужно сражаться с фашистским правительством, как только оно будет создано, при помощи сильнейшего оружия — всеобщей забастовки.

Многие рабочие думают, что фашизм всё равно неизбежен, так что нечего с ним бороться, он должен «загнать себя в тупик». Нет ничего более ошибочного или более опасного. Да, фашизм — это большая опасность, и никто не может сказать, не возглавят ли правительство в ближайшие несколько месяцев Гитлер, Фрик или Геринг. Но фашизм не обладает непобедимой силой. Лев Троцкий правильно назвал фашистов «человеческой пылью». И в самом деле, мы имеем дело со случайной смесью фермеров, мелких буржуа, бывших офицеров, определённых мелких рабочих групп и крупных капиталистов, с лишённой надежды и направления толпой без четкой программы или цели, с бессмысленной, ничтожной, лозунговой идеологией, с неразберихой, которую держит вместе только беспрецедентная нищета и неудачи в международных отношениях. При первом энергичном продвижении пролетариата весь этот кошмар рассеется.

Всеобщий фашистский террор свидетельствует не об их внутренней силе, а об их внутренней слабости; потому что, если бы национал-социализм был бы сильным и творчески экономически, социально и культурно, он смог бы себя утвердить, не прибегая к насилию. Но поскольку он составлен классами, которые распадаются и лишены голоса, он нуждается в терроре, чтобы его хоть кто-то услышал. Усиление террора всегда являлось знаком внутренней слабости.

И почему бы фашизму не быть подверженным поражению, даже прежде чем он «загонит себя в тупик»? Только потому, что он господствует в разных странах Южной и Восточной Европы? Но это преимущественно аграрные страны со слабым пролетариатом. Фашизм смог

там захватить власть зачастую после безуспешной революции (Венгрия, Италия).

В Германии у нас есть сильный пролетариат, закалённый в боях, не проигравший в последние несколько лет революции, и пролетарские организации по-прежнему сильны и не сломлены. Фашизм уже дважды начиная с 1918 года потерпел поражение при большом участии пролетариата в этом поражении: путч Каппа в 1920-ом и путч Гитлера в 1923-ем.

Поэтому в пролетарских кругах не должно быть никаких разговоров о «неизбежности» фашизма, о том, что он «должен загнать себя в тупик». Давайте обратим свой взор к Испании, где героически борющийся пролетариат, ведомый анархо-синдикализмом, не только сокрушил фашизм Примо де Риверы в 1930-ом, но и изгнал короля и иезуитов в апреле 1931-го. Давайте взглянем на Австрию, где пролетариат несмотря на манёвры социал-демократов, нанёс поражение фашизму хеймвера в 1930–1931 гг. и осудил его на осмеяние. Почему бы и немецкому пролетариату не быть способным на подобные действия?

Гитлер [...] выдвигает свою кандидатуру на пост рейхспрезидента. Но было бы опасным обманом придавать слишком много значения результатам голосования. Решающим является не количество голосов, поданных за реакционера Гинденбурга или фашиста Гитлера, и не количество голосов за кандидата [коммунистов] Тельмана, но истинная боевая мощь пролетариата в его повседневной борьбе.

Так что — вперёд к убеждённой и объединённой борьбе против фашистской убийственной заразы! Долой партии и политиков, которые саботируют пролетарское единство в борьбе снизу! Это единство от самих масс, в деле, вот что такое анархо-синдикализм!

Из книги Х. В. Герхарда «Через Хильдбургхаузен к Третьему Рейху! Национал-социализм и рабочий класс».

Фашизм в сегодняшней Британии — левые и Национальный фронт [1976]

Послевоенный антифашизм

В ходе второй мировой войны официальный антифашизм слился с патриотизмом, так как различные государства провозглашали себя частью «антифашистского» крестового похода. Хотя многие из рядовых солдат в «народной войне» были искренне антифашистски настроены, ни одно из правительств не имело ни малейшего намерения увлечься какой-то пропагандой свободы. Стоило рядовым и партизанам одержать победу над фашистскими силами, как наступало время обеспечить возвращение к обычному порядку дел.

Хотя бывших фашистов и вербовали для участия в холодной войне, фашизм оставался малозначимым явлением, пока новый рост социального напряжения в шестидесятых и семидесятых не позволил им вновь мобилизоваться. Здесь — статья из [британского] журнала «Анархия» (Anarchy), вторая серия № 20 за 1976 год, которая рассматривает реакцию на Национальный фронт, бывший тогда главной фашистской группой в Британии. В семидесятых (как и в тридцатых) антифашистам приходилось считаться с ревностным желанием полиции обеспечить проведение фашистских парадов: источник шутки Альберта Мельцера о том, что фашистских маршей не бывает, бывают только полицейские марши, потому что фашисты точно не стали бы пробовать их проводить самостоятельно. «Антифашизм» также привлёк разношёрстную толпу, как из представителей авангардных партий, искавших новых приверженцев, так и типов, взгляды которых сводились к формуле «все кто угодно, кроме фашистов» — они считали, что всё было бы отлично, если бы никто не выступал. Анархисты играли свою роль, как противостоя фашистам, так и требуя изменения общества.

Фашизм в сегодняшней Британии — левые и Национальный фронт [1976]

«Только одно могло бы остановить наше движение — если бы наши противники поняли его принцип и с первого же дня сокрушили с предельной жестокостью зародыш нашего нового движения».

Гитлер

Контрдемонстрации, пикеты

Как левые ответили Национальному фронту? Обычный ответ — самым жалким возможным образом. Например... когда бы НФ ни проводил демонстрацию или митинг, противодействие левых состоит прежде всего из воплей протеста, направленных к соответствующим местным властям: «Не позволяйте фашистам использовать зал ратуши!» Затем, после того, как их протесты отвергаются, они проводят предсказуемый пикет или контрдемонстрацию, которая иногда заканчивается заварушкой с участием полиции (которая защищает фашистов с такой преданностью, что пока что не было крупного уличного столкновения между левыми и правыми). В качестве побочной деятельности, авантюристические элементы, например, Международные социалисты (МС), могут украдкой оторваться от главного марша и в тщетной попытке улучшить свой имидж в качестве «уличных драчунов» попытаться самостоятельно взяться за НФ, что приводит к ряду арестов и травм, и, как всегда, несчастные «раскольники» страдают куда сильнее, чем НФ. В это же время, в качестве ещё одного вида побочной деятельности, маленькие клики визжащих маоистов в духе камикадзе нападают на ряды полиции, и на этот раз им и всем, кому не повезло оказаться с ними рядом, разбивают головы усердные менты. Во время подобных манифестаций представлены все оттенки левизны, причём небольшие группы, чтобы придать себе веса, усваивают насильственную фразеологию, которую они не в состоянии подкрепить действиями.

Трибуну всегда контролирует специальный комитет, как правило, за сценой всем заправляет Коммунистическая партия. КП не использует трибуну для оправдания насилия против НФ — на самом деле, иногда, чтобы произвести впечатление, будто они не менее уважаемы, чем Лейбористская партия, они доходят до того, что заявляют — каждый, кто использует трибуну для пропаганды насилия против НФ, будет с неё вышвырнут (как это произошло в Гайд-парке, где левые успешно закрыли Угол ораторов, чтобы не позволить НФ провести там марш).

Противостояние Фронту на улицах Противостояние левых Фронту на улицах по большей части проваливалось с треском, хотя, судя по тому, как всё преподносится в их газетах, можно было бы подумать, будто каждый раз, когда НФ осмеливался высунуться на улицы, он терпел решительное поражение благодаря массовому появлению представителей рабочего класса и левых. К сожалению, или, возможно, к счастью, каждый раз, когда левые пытаются добраться до НФ, им мешает это сделать полиция. Правда заключается в том, что левые неспособны произвести настоящее физическое впечатление ни на полицию, ни на фашистов. Иногда происходит такое, что мы имеем перед собой спектакль полиции, отвешивающей пиздюлей левакам, пока НФ смотрит на это с безопасного расстояния, хихикая или аплодируя, в зависимости от того, насколько решительно менты действуют дубинками. Всё, чего достигает подобная борьба, — сотни арестов и травм, а [в 1974 году]

на Ред-Лайон-сквер (пример того, что я имею в виду) антифашист [Кевин Гейтли] был убит полицейскими. Я думаю, что это происходит от неспособности левых разработать подходящую ситуации тактику и стратегию.

Пропаганда

Направленная против НФ пропаганда приняла вид небольшой отрасли промышленности, и даже самые малоизвестные левые группы выпускают кучу брошюр. Несмотря на огромное количество, все эти брошюры и статьи — очень мелкокалиберные. Все они, к примеру, подчёркивают преступность вождей НФ. Нас угощают всё той же старой фотографией Тиндалла в его нацистской форме. Они никогда не идут дальше этого, никогда не пробуют проанализировать, почему же рабочий класс никогда не появляется весь вместе, чтобы сокрушить Фронт, или даже почему большое количество представителей рабочего класса разделяет идеи вроде пропагандируемых Фронт. Они тщательно стараются показать, что вожди НФ разгуливали в разукрашенной свастиками нацистской форме, однако кому сейчас нужна эта эмблема? Сегодня британские фашисты ходят строем под «Юнион Джеком», и это «непатриотично» — оскорблять флаг, не так ли? (Таков подход компартии в большей степени, чем других левых групп). В книге «Только один погибший», которую сочинил журналюга из Компартии Тони Гилберт и которая рассматривает правительственное расследование беспорядков на Ред-Лайон-сквер, автор, излагая обстоятельства дела, утверждает, что поднятый НФ «Юнион Джек» являлся «неправильным использованием» флага. Но это не отдельный случай — поглядите на омерзительное поведение, на шовинизм большинства групп, вовлечённых в последнее антифашистское выступление во время референдума по ЕЭС. Большинство из этих групп считают империалистическую кровавую баню, известную как Вторая Мировая война, — антифашистской! Сколько уже раз нам приходилось до тошноты наслушиваться на антифашистских мероприятиях речей, содержащих такие перлы, как — «Свобода слова для фашистов? Это было решено на улицах Сталинграда... или Берлина»? Слишком много раз, мне кажется.

С ростом фашизма в этой стране (и, на самом деле, по всему миру), с борьбой против него, появился исключительно антифашистский журнал, «Searchlight». Содержание его подробно и информативно (и поэтому я его рекомендую), однако, с другой стороны, его тон — законнический, «патриотичный», ориентированный на тред-юнионизм. К примеру, там есть открытые письма Рою Дженкинсу [лейбористский министр внутренних дел], требующие от него запретить НФ, и статьи, призывающие правительство создать более жёсткие законы против расизма — законы, которые, как мы знаем, в конце концов используются против антифашистов, как это было с Законом об общественном порядке 1936 года. Среди авторов «Сёрчлайта» есть и журналисты из Международных социалистов, и парламентарии из правых лейбористов.

Левые и антифашистская тактика

Одна из многочисленных слабостей левых была продемонстрирована их непониманием использования силы. Троцкотня не обламывается щеголять в говнодавах и гонять немногочисленных фашистов по закоулкам (задача, которую они иногда находят обременительной). Но что случается, когда разборки достигают пропорций другого

измерения? Они, боюсь, обламываются. На Кэмден-Хай-стрит леваки проводили встречу, чтобы обсудить тактику противостояния маршу Фронта. Когда делегаты появились, им грозили злодеи из НФ, которые пообещали им, что «вернутся попозже». Они вернулись, выстрелив из дробовика — по-чикагски, из машины, и разбив окно здания; реакция леваков внутри помещения? Они вызвали полицию! А потом? Отчего же они удивлены проявленным полицейскими безразличием?! Все эти левые группы знали, где тогда находилась штаб-квартира НФ (Поусонс-роуд, дом 50, Кройдон), но она осталась неатакованной. Левые настолько уважают общепринятые методы. Через пару недель после этого события Международная марксистская группа (ММГ) выдала инструкции своим членам, чтобы они появились на митинге в Гайд-парке в шлемах безопасности, но даже эти минимальные усилия оказались бесполезными, когда полицейские смогли вытащить какого-то несчастного из центра защитного круга ММГ и арестовать его. После окончания митинга, ММГшники положили свои шлемы в пластиковые пакеты и ушустрили самым нервным образом. Ещё хуже, когда НФ проводил свой поганый «марш против (чёрных) грабителей» в лондонском Ист-Энде прошлым летом, противостоящий ему антифашистский марш, который превосходил нацфронтовцев больше чем четырёхкратно, вышел всего пять минут спустя из точки старта фашистов. Но когда антифашисты промаршировали в противоположном направлении, даже «Searchlight» заметил: «Контрдемонстрацию посетили почти пять тысяч человек..., но это собрание не смогло понять, что в их силах было бы остановить фашистскую провокацию, всего лишь мирно встав у них на пути до того, как они стартовали. Хотя мы в «Searchlight» выступаем против использования насилия и не видим смысла в драках с полицией, мы должны выразить уважение кучке молодых людей, которые встали на пути фашистского марша, только чтобы быть избитыми дубинками полицейских».

Но более недавно, если точнее — 24 апреля — появились основания ожидать улучшений, как это произошло в Бадфорде, где контрдемонстрация встретила 1000 участников марша Фронта. НФ защищало большое количество полицейских (как обычно); НФ спровоцировал насилие, начав громить принадлежавшие азиатам лавки, пока полиция наблюдала, не вмешиваясь. Антифашисты, однако, показали, что они могли не без успеха драться: Фронт закидали кирпичами, бутылками и банками из-под пива. Через улицу протащили баррикаду, в попытке остановить фашистов, а когда полицейские напали на антифашистов, их тоже забросали камнями и бутылками, полицейские ботики были перевернуты, и были предприняты попытки их поджечь, некоторые полицейские, в том числе представители конной полиции, получили серьёзные травмы. Было арестовано 30 человек. Сравните это с событиями в Лондоне в тот же день, когда проводившие марш 200 человек, преимущественно из нацистского Британского движения были встречены примерно 500 антифашистами. На Трафальгар-сквер произошла битва между антифашистами и полицейскими — преимущественно членами Специальной патрульной группы, которые жестоко избивали находившихся в меньшинстве антифашистов, искалечив многих из них, в то время как жертвы среди полиции были практически равны нулю. Двадцать пять арестов. Я думаю, мы можем извлечь кое-какие уроки из обоих мероприятий 24-го.

Тактика фашистов

Тактика Фронта более жестока, чем тактика левых: они осуществляют анонимные нападения на активистов и иммигрантов на малолюдных улицах, и, что ещё хуже, наливают

керосин в почтовые ящики на дверях рабочих-иммигрантов и поджигают их; список бесконечен. Затем, на другом уровне, нападения на мелкие книжные лавки и штаб-квартиры сектантских левых групп (вроде маоистов); благодаря расстояниям и размеру этих групп, редко можно ожидать хоть какого-то возмездия. Из пацифистов и либералов получаются идеальные мишени — они не отвечают ударами на удары. Когда все эти нападения сводятся воедино, фашисты приобретают внушительную репутацию. Нацфронт также становится более дерзким, в частности, они нападают на левые демонстрации, скажем, Нацфронт довольно успешно атаковал антимилитаристскую демонстрацию на Шепердс-Буш-Грин 21 февраля. Есть доказательства того, что некоторые представители ультраправых, в том числе члены Нацфронта, проводят в лесах тренировки вместе с Территориальной армией — и что во время этих манёвров они вооружены. На другом уровне Фронт набирает большинство своих членов, участвуя в выборах; в ходе последних всеобщих выборов они собрали 113 тысяч голосов (преимущественно в рабочих районах). Фронт утверждает, что на следующих выборах они выдвинут более 300 кандидатов.

Стоит ли?

Стоит ли этим всем заниматься? Ну, для групп вроде Международных социалистов представляется неплохой шанс для вербовки, что можно доказать, почитав номера «Социалистического рабочего» за пару последних лет. Например, там писали про небольшие, местные демонстрации против Фронта; после демонстрации МС проводили небольшой митинг, на котором «шесть молодых рабочих» или «пять азиатов» затем вступали в МС. В Лейчестере МС даже воздвигли трибуну после окончания большого марша (с ораторами-звёздами), чтобы прорекламирровать митинг, который они проводили вечером, — неприкрытая попытка вербовки. Но как же борьба? В конце концов, НФ не поддерживается классом капиталистов, которые предпочитают, чтобы Лейбористская и Консервативная партии управляли государством и присматривали за их интересами. Чтобы получить поддержку даже самых реакционных капиталистических элементов, Нацфронт должен показать себя ополчением, компетентным в штрейкбрехерстве и избиении рабочих, и пока что им этого не удалось, хотя некоторые чудаки из бывших военных, Стирлинг и Уолкер, попытались создать частные армии для использования против рабочего класса. Фронту удалось проникнуть в направленные против рабочего класса организации, такие, как Национальная федерация работающих не по найму, группы налогоплательщиков, и в некоторых районах они завоёвывают опасные плацдармы в группах квартиросъёмщиков и отделениях профсоюзов («Searchlight» об этом хорошо осведомлён). Либералы и пацифисты говорят: «Оставьте их в покое», «Борьба с ними — это выступление против свободы слова» или «Если вы с ними дерётесь, вы не лучше их», страусиный подход, который является отличным аргументом, чтобы ни хуя не делать. С другой стороны, настоящие революционеры утверждают, что главные враги — это капитализм и государства; это правда, однако НФ опасны для рабочего класса так, как не решаются быть опасны «законные» представители капитализма. И по причинам, которые я изложил в первой части статьи [здесь она не приведена], фашистские идеи действительно укореняются в некоторых группах рабочего класса и люмпенов, так что из-за этого они представляют непосредственную опасность. Важно разбираться с ними, не отрицая классовую борьбу; в конце концов, классовая борьба и есть лучший способ разобраться с НФ. Небольшие группы революционеров, которые из-за нехватки ресурсов или неотложных дел где-то ещё не

нападают на них непосредственно, должны дать им понять, что если их «побеспокоят» фашисты, им будет отплачено самым неожиданным образом.

Способы борьбы с фашистами

Для антифашистов действия на улицах — это тактический вопрос. Я не против уличных драк с фашистами, как можно догадаться, я всецело за это; беда в том, что стало совершенно предсказуемым то, как им будут противостоять. Как только у фашистов марш или митинг, фокус-покус: контрдемонстрация или пикет. Что нужно делать, так это, скажем, занимать зал, который собираются использовать фашисты до того, как они там появятся, или, если они проводят встречу, сделать так, чтобы им было трудно выбраться. При драках с полицейскими антифашисты должны (если их достаточное количество, и если они достаточно разгневаны) последовать замечательному примеру жителей Брадфорда. Когда Фронт марширует, вместо того, чтобы собираться в нескольких километрах от них, антифашисты должны встречаться на той же точке, из которой фашисты должны стартовать, обеспечив этим невозможность для них собираться, не то что маршировать.

Когда НФ проводил свой «марш против грабителей», небольшая группа антифашистов (400 человек) оторвалась от главного антифашистского марша и побежала встречать фашистов. Так как фашисты были хорошо защищены полицией и так как нацфронтовцев всё равно было около 1000 человек, антифашисты шли по сторонам марша по тротуарам, высмеивая фашистов и угрожая им. Из-за этого никто не присоединился в маршу Фронта — из-за постоянного потока критики и потому что мы сообщали людям о том, что из себя представляет Фронт на самом деле; люди, однако, присоединялись к антифашистам (в том числе множество ребятишек), мы хорошо повеселились и пообщались со множеством местных жителей. Было порядка шести арестов при завершении марша, в Хокстоне.

Помимо всего прочего, единственное, что со временем сокрушит Фронт, — это то же самое, что сокрушит капитализм — массовое революционное движение рабочего класса. Революционеры должны работать над его строительством — это самая важная задача. Намёк на массовую акцию был продемонстрирован в Лейчестере, где Фронт провёл марш в поддержку «белых рабочих в imperial Typewriters». Лишь около 700 дебилов подтянулось, чтобы маршировать с Фронтом. В это же время в другой части города более 5 тысяч человек, в том числе многочисленные рабочие азиатского происхождения и целые семьи, присоединились к другой манифестации. Это было отличное мероприятие, потому что всё сообщество рабочих-иммигрантов было вовлечено в забастовку, которая предшествовала демонстрациям. В конечном счёте, единственное, что сможет смести фашистов с улиц — это массовые действия рабочего класса. Построить массовое революционное движение рабочего класса — это политическая задача. Как анархисты, мы должны принять в этом участие, поскольку это является частью строительства нашего движения, но это другая тема, товарищи.

Постскрипtum

События развивались быстро с тех пор, как я закончил эту статью. Прежде всего, «история», раскопанная порно-«Саном» [бульварная британская газета] о получающих по 600 фунтов в

неделю азиатах, которая привела к панике по поводу «вторжения иммигрантов». Во-вторых, успех фашистов на выборах местных властей и новая речь [расистствующего парламентария-тори Энока] Пауэлла. И в-третьих, тюремное заключение расиста Рельфа и подлые нападения на рабочих и студентов из числа иммигрантов, наихудшим случаем чего пока что является убийство двух иностранных студентов расистской бандой в Вудфорде. Иммигранты и впрямь сопротивлялись — свидетельством чего являются события в Бирмингеме, где они сражались с полицейскими в попытке добраться до демонстрации в поддержку Рельфа, организованной НФ. В Блэкберне, где [бывшая ранее частью НФ] Национальная партия получила два места в местных выборах (между прочим, ранее эти места занимали лейбористы), победный марш Национальной партии был встречен покупателями аплодисментами и одобрительными возгласами, в то время как демонстрация профсоюзников и азиатских рабочих была встречена оскорблениями и насмешками: «Уёбывайте туда, откуда вы приехали, черножопые». В Хакни в дом индийской семьи бросили зажигательную бомбу, в Гринвиче мечеть стала мишенью фашистского вандализма, а в Ист-Энде некоторые из водителей мини-такси используют свои рации, чтобы координировать нападения на азиатов, и т. д. Но иммигранты оказывают сопротивление, и мы должны им помочь в их борьбе.

Я думаю, что если один заголовок в порно-«Сане» и одна речь Пауэлла могут уничтожить все результаты пропаганды антирасистов и антифашистов в течение последних четырёх лет, нам надо всерьёз задуматься о другом подходе. Я думаю, рано или поздно понадобится несколько решительных битв на улицах, в которых фашисты потерпят физическое поражение (Брадфорд и Бирмингем показывают путь вперёд). Мы пытались действовать по-другому уже слишком давно — результаты нулевые. (Участники антифашистских беспорядков в Брадфорде, между прочим, получили очень высокую оценку прессы!) В конце концов, это вопрос времени, когда это произойдёт; чем скорее мы с этим разберёмся, тем лучше. Я хочу добавить лишь ещё одно, когда мы выбьем фашистов с улиц, почему мы затем должны все возвращаться домой и ложиться спать? Давайте оставим себе улицы, давайте проводить уличные митинги, продавать свои газеты на улицах и не давать полиции нас загнать обратно. Когда мы сможем этого добиться, мы можем двинуться куда дальше. Мы сможем построить массовые движения, чтобы раз и навсегда сокрушить капитализм и государство!

М.Ф.В.

Давайте познакомимся поближе...

Давайте познакомимся поближе...

“ Массовая конфронтация, призыв к которой содержится в предыдущей статье, произошла в ходе «Битвы при Льюишеме», 1977, где массовый сбор представителей местного сообщества (как чернокожих, так и белых) положил конец претензиям Национального Фронта на господство на улицах (и готовности полиции подвергаться ради этого избиениям). В 1979-ом «респектабельные» сторонники фашизма вместо этого оказали свою поддержку войне Тэтчер против рабочего класса. В течение 1980-ых и 1990-ых НФ и Британская национальная партия предпринимали попытки вернуть себе улицы, что приводило только к тому, что их отбрасывали (буквально), благодаря политике Антифашистского Действия (АФД) — «Без платформы».

Следование политике «Без платформ» обязательно будет приводить к физическим столкновениям с фашистами. В этом номере журналист Fighting Talk («Слова, провоцирующие на насильственные действия») Сид Мартелл рассматривает политику тротуаров...

“ «АФД борется с фашизмом как физически, так и идеологически. Мы боремся с фашизмом не ради сохранения нынешнего положения вещей, но чтобы защитить интересы рабочего класса».

Пункт 1.4 конституции Лондонского АФД.

Многие люди, помимо государства, выступают против принятой АФД политики физической конфронтации, среди них есть и фашисты (они особенно её не любят), либеральное, «запретительское» крыло движения («Searchlight» и т. д....), вплоть до так называемых революционных организаций вроде Социалистической рабочей партии (см. последний номер «Fighting Talk», они могут разглагольствовать о «противостоянии фашистам», но в реальности они не могут следовать политике «Без платформы», и для функционирования им нужна полиция). Итак, учитывая всё это противодействие — может быть, АФД просто упрямится? Может быть, мы просто изолированные головорезы? Или же мы принципиальные боевые антифашисты, использующие лучшие из имеющихся у нас средств, чтобы остановить фашистов?

Вначале давайте некоторые вещи проясним. Антифашистское Действие не является террористической или военной организацией, мы также не являемся просто группой головорезов, которым всего лишь нравится хорошенькая заварушка. АФД — опирающаяся на широкие круги организация национального масштаба, состоящая из представителей рабочего класса, которые не шутят на тему противостояния фашизму. Борьба с фашизмом требует многого от тех, кто занимается этим всерьёз, риск велик, а времени нужно много, и оно проводится по большей части в скуке — в ожидании, пока что-нибудь произойдёт, и на жизнь так не заработаешь. Как вам скажет любой преданный борец за какое-либо дело, от этого никак не отвертеться, никто не просит благодарности или одобрительного хлопка по спине, просто продолжаешь делать своё дело. Во многом невероятно, хотя в то же время предсказуемо, то, что помимо этого, в движении присутствуют персонажи, храбрость и честность которых, мягко говоря, вызывают сомнения, которые, как кажется, тратят больше времени на то, чтобы «опускать» активистов, чем на то, чтобы оказывать хотя бы минимальное (и часто скорее мешающее делу) воздействие на фашистов.

АФД было основано, когда все остальные бросили антифашизм, поскольку настоящей проблемой, конечно, были тори! Теперь, когда они все вернулись в тусовку, им приходится обнаружить, что мы никуда не делись, что наша банда шушеры, лишённых руководства головорезов и убийц смогла не сойти с дистанции, в то время как все остальные выбрали соглашательство и отрицание собственной неумелости. Помимо этого, они также обнаруживают, что пока они пытаются поймать собственный хвост и ничего при этом не добиваются, АФД продолжает время от времени проявляться, чтобы напомнить фашистам, что у противостояния им всегда будет две стороны.

Кажется, что всё это столетие активным антифашистам приходится принимать во внимание нездоровые элементы у себя за спиной. Слова анархистов, которые вели антифашистскую партизанскую борьбу во время господства диктатуры Франко после гражданской войны в Испании (и осуществляли «изъятие значительных денежных средств» у различных финансовых учреждений от имени движения сопротивления), кажутся знакомыми...

«Тем не менее, некоторые из наших так называемых товарищей попытались опорочить наше поведение в этом деле — называя нас грабителями, бандитами, преступниками, совершенно точно так же, как наши враги-фашисты. Они делают это, чтобы оправдать перед нашим движением собственную трусость и бездействие».

Даже внутри АФД были времена, когда определённые элементы призывали к проведению более «политических» кампаний: если настаивать на уточнениях, то более «политические» кампании означают, по большому счёту, «ненасильственные» кампании протестного типа а-ля Антинацистская Лига (ANL). АФД многократно подчёркивало, что оно следует политике «сдвоенных путей», предполагающей как идеологическую, так и физическую конфронтацию, данная статья призвана разъяснить, что обе части нашей стратегии являются именно политическими. Обе одинаково важны, и равновесие между ними поддерживается постоянно и последовательно.

Используемое всевозможными персонажами, от судей до «революционеров», классическое клише состоит в том, что, противопоставив им физическую силу, вы становитесь «не лучше

фашистов». Это бросали в лицо активным антифашистам с тех пор, как появился фашизм, уравнение при этом было такое: если вы встречаете насилие насилием, вы превращаетесь в то, что ненавидите. Это странное христианское морализаторство (странное потому, что во имя Христа было убито вряд ли меньше людей, чем во имя Муссолини или Гитлера) не просто вводит в заблуждение, оно полностью неверно. Фашисты используют насилие как средство достижения цели, они не являются воплощением насилия; прибегать к насилию не значит быть фашистом. Дело в том, что лежит за этим насилием; злобная ненависть к рабочему классу и его стремлениям — вот что придаёт фашизму характер.

Цель фашизма — увеличить насилие, уже неотъемлемое от государства; жестокость полицейских, чиновников по надзору за иммиграцией, военных и т. д. — это просто детские игры по сравнению с тем, чего от них будут добиваться фашисты. Очевидно, если представителям рабочего класса придётся защищать себя и свои интересы, то они должны реагировать соответственно этой угрозе. Поэтому акт агрессии против фашистов должен рассматриваться как действия в защиту рабочего класса, и как таковой он является политическим.

Аргумент, согласно которому всё, за исключением чистой самозащиты (например, защиты этнического сообщества против нападения), является бездумным мелким насилием, в котором отсутствует политическая мотивация, выдерживает критику не лучше, чем дуршлаг задерживает воду. Значительный рост государственного террора, который последует за установлением фашистской диктатуры, является достаточным основанием для искоренения фашизма. Рабочий класс уже подвергается нападениям, государство уже отвешивает удары, приход фашистов к власти — это хук правой, нокаут. Это уже стало вопросом выживания, война уже началась.

Здесь было бы интересно отметить, кто что именно говорит по данному вопросу. Подавляющее большинство активных антифашистов являются представителями рабочего класса, не просто по широким, абстрактным причинам, которые изложены выше, но потому, что на них приходится первый удар в фашистском наступлении, и в конечном счёте они понесут самые многочисленные потери. Если кто-то в пабе, полном местных фашистов, объявит себя антифашистом, времени для формальной дискуссии и аналитического разбора будет немного. Люди из рабочего класса не останавливаются перед насилием, они не настолько натренированы отвергать личное политическое насилие, одновременно глядя сквозь пальцы на насилие институционализованное, как представители средних классов. Поэтому очевидно, что пока ориентированное на средний класс крыло движения призывает полицейских разобраться с «преступным фашистским элементом», люди на улицах вынуждены заниматься этим сами.

Задачей, которую перед собой поставило АФД, является как раз организация этого боевого сопротивления рабочего класса против фашизма. Все предпринимаемые АФД действия диктуются этой целью. Направление организации определяется дискуссиями активистов на местах, не существует военной иерархии, управляющей политикой организации, наоборот, политика определяет все управленческие действия АФД. Руководители несут постоянную ответственность перед остальными членами организации, их роль заключается в исполнении пожеланий рядовых членов. Это было определено активными участниками АФД,

именно низовые активисты выступают за политическую дисциплину. Мы выступаем против исключительно уличного предприятия, не потому, что мы против «уличной активности», но потому, что само по себе оно не имеет смысла. Существует множество исторических примеров, на которые здесь можно сослаться, от Организации освобождения ирландского народа (IPLO) в Ирландии до перебежчиков- сапатистов в период Мексиканской революции [1910-1917 гг.].

Если вы производите действия «незаконного» характера, вы обязательно привлечёте тех, кто просто желает принять участие в подобных делах, кто не политизирован. Движению следует либо воспитывать, либо исключить подобные элементы, и только поддержка и руководство всего движения может определить, где проходит граница, когда действия вырождаются в социальную преступность, а не политическую. Только когда политика оставлена в прошлом, всё низводится до чистой фракционности и преступности, этого никогда не случалось и никогда не случится с АФД. Все, кто делал подобные заявления, являются либо врагами боевого антифашизма, либо своего рода лицемерными «вождями», которые обжигают пальцы, играя с огнём.

Таким образом, дисциплина и организация для нас первостепенно необходимы, во-первых, таким образом мы будем нести ответственность перед самими собой и перед движением, а во-вторых, потому что это делает нас более эффективной силой на улице и на политической арене. Были времена, когда привлечённым к АФД элементам казалось, что без этого всего можно бы и обойтись, — это те, кто поддерживает антифашизм бутылки с сидром и антилопы гну, Хотя мы не отрицаем ничьего права выступать против фашизма, для этого нет места в АФД. Следует это чётко понимать: АФД выигрывает, за второе место никаких призов не полагается. Без координации, без опыта и поддержки, маленькие группки, которые тут и там отрываются от марша, неизбежно потерпят крах. Это не игра, фашисты воспринимают это всерьёз, и АФД добивается результата, потому что мы тоже не шутим.

На самом деле, ирония заключается в том, что многие из тех, кто постоянно наезжает на физический элемент АФД, в то же время обращаются с просьбами о защите, когда существует возможность, что на них самих нападут фашисты. АФД это многому научило, улыбки сегодня, назавтра — поношение. Также выяснилось, что служба в качестве своего рода символической полиции для «левых» ничего нам не принесла, кроме их последующего нытья по окончании. Или даже во время, было несколько случаев, когда руководящая группа АФД действительно должна была направлять движение людей; она была воспринята с шоком и ужасом теми самыми людьми, которым бы точно пришлось получать от фашистов, не будь нас там.

Наша задача — бить фашистов на своих условиях, наши руководители идут на риск только из-за наших действий или из-за акций, которые мы устраиваем. Многие из «левых» не понимают того, что физические победы фашистов значат больше, чем наши, потому что они на подъёме. Они перешли в наступление, пока «левые» разглядывают собственные задницы и думают, а какой же сегодня день недели. Любая их победа на улице — это существенный удар для нас, если мы потерпим поражение, то мы падём, сражаясь за что-то стоящее, а не за либералов и трусов, которые не могут даже пошевелить пальцем.

Но, опять-таки, я не хочу сказать, что мы не будем работать с кем-то ещё, мы раз за разом подчёркивали, что единство строится на деятельности, а не на обмене любезностями. Если кто-то занимает ту же позицию, что и мы, кто работает в той же сфере, что и мы, но не работает вместе с нами — не могли бы они нам об этом сообщить? Нам надо отстаивать свою позицию, АФД есть чем заняться, у него нет времени и ресурсов на то, чтобы до полного ахуя спорить о «Единых Фронтах» и тому подобном. Давайте признаем, это даже не игра на скрипке, пока Рим горит — приглашается целый оркестр, а публике раздаются коробки спичек.

Кажется, что призывы к Единству наиболее громогласно провозглашают те, кто, когда у них был шанс что-то сделать, например, когда они были в АФД, предпочли от этого отказаться и теперь блуждают в пустыне, вопия о «комитетах» по тому вопросу и «Единстве» по этой проблеме, потому что их единственный шанс доказать, насколько они «г'адикальны», — это нести полную чепуху. Теперь они обнаруживают, что, отнюдь не «заставив «Без Платформ» значить «Без Платформ», они на самом деле ещё в меньшей степени стали способны делать что-то реальное, чем когда-либо раньше! Важно не говорить об этом, а делать это. АФД продолжает это делать.

Физическая конфронтация не просто необходима, но, с точки зрения пропаганды, она незаменима: [столкновения с «Blood & Honour» на лондонском] вокзале Ватерлоо [в 1992 году] были чистым успехом и мгновенной удачей. Это показывает людям, что может быть сделано, и что надо делать, чтобы отразить наступление фашизма. Победы АФД на севере, в Шотландии и в Мидлендсе являются прямым результатом преданности физическому присутствию, продемонстрированной активистами АФД; непрерывная работа отдельных личностей и групп принесла результаты, которых никогда не добиться никаким количеством леденцов и петиций. Работа АФД против недавнего «Концерта памяти Иэна Стюарта» обеспечила то, что он не состоялся, что «служба безопасности» из [вооружённого крыла «Blood & Honour»] Combat 18 (C18) была полностью заморожена (и Чарли Сарджент, и «Безумный» Фил Эдвардс уже имеют хорошие шансы на приз «засранец года»), и мы всё равно ухитрились не получить от лондонских ментов (в отличие и от Антинацистской Лиги (ANL), и от C18, последним как следует начесали холку в пабе рядом с вокзалом Ватерлоо, выглядело сипец как неаппетитно с того места, где мы стояли...)

АФД, несмотря на всех своих врагов, идёт от победы к победе. Мы раз за разом доказывали, что только благодаря активным действиям удастся сдержать фашистов, и, несмотря на все усилия истеблишмента, фашистов и либералов, мы по-прежнему в деле. Время покажет, что станет с ANL, Молодёжью против расизма (YRE) и т. д.... Мы ничего от них не просим, для нас важно, чтобы АФД оставалась жизнеспособной группой и держалась за свои традиции. Вспомните, хотя мы это уже и говорили раньше, наша физическая преданность не требует, чтобы каждый отдельный член организации был сверхнакачанным уличным бойцом. Что нам нужно, так это люди, которые соглашаются с нашей политикой и будут работать над её осуществлением в наиболее подходящей для них роли. Настоящие активные антифашисты должны присоединяться к АФД, а активисты из других групп должны работать с нами изо дня в день. Истинное единство, единство в действии является единственным «единством», к которому призывает АФД. Преданность этому может заслужить уважение АФД, и это единственное, что может его заслужить.

«Fighting Talk» № 7 (1994).

Фашизм любит прикидываться радикальным, особенно когда дразнить «красных» можно безнаказанно. Думаете ли вы, что фашисты могут быть радикальны (в плохом смысле слова), или же вам это кажется только украшением витрины, мы должны бороться против их идей, одновременно с защитой нашего места на улицах. Эта статья из бристольской анархистской газеты «Stuff It» № 4 (1985 или 1986)

пропуск в скане

.....проходится по «социалистическим» претензиям штрассеризма.[1]

Фашистский переворот

Кажется, что Национальный фронт сменил пластинку, штрассеризм, антибольшевизм и антикапитализм — их новая позиция. Это довольно плохие новости для нас, так как нам теперь труднее разглядеть, кто на нашей стороне и кто нет. Но нам не следует обольщаться, анархизм и фашизм являются ПОЛНЫМИ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЯМИ. Фашизм имеет две формы:

Либо правящий класс страны находится под угрозой, которую он не может отразить обычными способами, поэтому в ход пускаются армия и эскадроны смерти, чтобы создать «Супергосударство», никаких споров, никакой свободы. Либо это гитлеровский фашизм, фашизм неудачников, утверждающих, что нынешний правящий класс не соответствует занимаемой должности и что партия будет создана из самых лучших, из новой крови, из ЗАКОННОГО правящего класса (немного похоже на различные группы троцкотни!). Иногда они объединяются: большие шишки надеются использовать нацистов, чтобы разобраться с краснопёрыми; нацисты выступают союзниками богачей, пока не становятся достаточно сильны, чтобы забрать власть в свои руки. В любом случае, они верят в то, что какие-то люди подходят для того, чтобы управлять другими, а остальные должны быть просто рабами в их «Супергосударстве».

Очевидно, что создать массовое движение на подобных аргументах довольно трудно. Ну, если вы придёте на демонстрацию и услышите, как какой-нибудь нацист будет вам втирать, что он и его кореша являются законным правящим классом, а вам следует им помочь достичь этого положения, вы, наверное, как следует задумаетесь. Так что им пришлось это прикрыть и придумать ещё какие-то аргументы. Один из них — использование национализма, нацисты являются лучшими представителями народа, наш народ лучше всех остальных. Обычно это приводит к милитаризму и войне. Другой аргумент — это расизм, тактика Национального фронта. Раса — это враги, евреи или чернокожие, это всё их вина, они недочеловеки, разрушающие нашу страну. Опять-таки, эта их тактика призвана ослепить людей и заставить за собой следовать, пока они не станут достаточно сильны для захвата власти.

Анархизм — это вера в то, что все люди заслуживают равного уважения как личности. Ни у кого нет права управлять, требовать повиновения и т. д. У нас есть право на

самоуправление, на сотрудничество ради удовлетворения своих нужд, и право на то, чтобы не подвергаться принуждению со стороны другой группы или класса. Расизм также совершенно противоположен анархизму, «чернокожие» — это не «чернокожие», это отдельные личности, «белые» — это не «белые», это отдельные личности. Все — равны и свободны вести свои собственные жизни. Расизм — это жульничество, призванное нас разделить; нацисты используют его, чтобы приобрести побольше власти; начальникам он нужен, чтобы мы не видели, что на самом деле вызывает наши проблемы — их власть над миром и его ресурсами; тяга к прибыли и тяга к власти.

Важно, чтобы мы все это осознали. [...] Анархизм должен быть ясно сформулирован — фашизм и расизм являются его противоположностями, и никогда не могут стать его частью.

Дж. А.

Мифы

Антифашизм не является заказником жёстких мужиков. Или даже жёстких мужиков и тёток. Очевидно, что антифашистской пропагандой может заниматься каждый, кто в состоянии разговаривать с людьми или расклеивать стикеры, однако для физической конфронтации не нужны супергерои: каждый может сыграть свою роль. Этот текст из журнала «Sheffield Anarchist» (выпуск 4, № 3, весна 1987 года) пытается развеять несколько мифов касательно того, чем нужно обладать, дабы называться антифашистом.

Мы находим тошнотворным то, что в борьбе с организованным фашизмом нам приходится сталкиваться не только с фашистской пропагандой, но также с той же пропагандой, которую нам перепродают мягкотелые либералы из «левых». Мы говорим о синдроме «расы господ» / «политических солдат» и его зеркальном отражении у левых, синдроме «мученика» / «жертвы». Фашистская пресса полна хуйни о фашистском «уличном бойце», о «политическом солдате», сметающем с пути ничтожных «расовых врагов» и «малодушных слабаков» из числа левых. Это не более чем фантазия для дрочки, и, как мы все видели, реальность несколько отличается. Тем не менее, у левой прессы есть свои мазохистские поллюции, она заполнена тем же самым дерьмом, изображающим фашню в качестве «психопатов», «уличных громил» и «злодеев», а антифашистов — в качестве их жертв. Это ничто иное, как топливо для фашистской печи, и мы не хотим с этим иметь ничего общего.

Дело в том, что мы не кучка мачо-жлобов, и нам не надо ими быть, чтобы бросить вызов фашистам, те же, кто думают иначе, — ошибаются. Наша группа, которая решила помериться силами с фашистами, пришедшими на демонстрацию по поводу «Кровавого воскресенья», не была особенно большой, и она состояла из женщин и мужчин. Но наша мощь совершенно непропорциональна нашему количеству или размерам, потому что мы знаем, что мы поддержим друг друга. Мы все можем сыграть свою роль в борьбе с фашизмом, и мачо-зануды могут идти на хуй, так же как и те, кто пытается нас пародировать, либо в качестве долбаков, которым нужно только размять кулаки, либо в качестве малодушных леваков. Организовываясь эффективно, вместе мы сможем полностью разгромить фашистов.

Сражайтесь на классовой войне, а не на расовой

Фашисты по-прежнему находят расизм полезным инструментом, тем более что наши капиталистические СМИ так любят делать из людей козлов отпущения из-за цвета их кожи. В противоположность им анархисты выдвигают идеи единства рабочего класса и классовой борьбы — они за то, чтобы выступить против настоящего врага. Этот текст из австралийского издания People № 6 (1993) был вызван «возмущением», созданным в СМИ по поводу [судебного] решения в иске [Эдди] Мабо на право владения землёй, опровергнувшего юридическую выдумку о том, что Австралия была «пуста», когда европейцы её колонизировали.

Некоторые люди сейчас, кажется, находятся под впечатлением, что мы в разгаре «расовой войны» со всеми этими спорами о деле Мабо. Принадлежащие миллиардерам СМИ как следует постарались, чтобы поощрить это, распространяя смятение и страх своей неверной информацией. Эти миллиардеры очень боятся того, что чернокожие могут получить малую толику украденной у них земли, настолько боятся, что пытаются надуть не-аборигенную Австралию и заставить её поддержать свою сторону против обездоленных аборигенов. Как будто бы интересы рабочих австралийцев совпадают с интересами буржуйской мрази вроде Керри Пакера или Руперта Мердока! Ладно, многие из нас имеют светлую кожу и происходят из Европы, как и они, — ну и что с того? Если глянуть дальше этого внешнего расового сходства, то мы поймём, что у нас гораздо больше общего с коренными австралийцами, чем с Пакером, Мердоком, Блэком и Со., потому что всех из нас, аборигенов и не аборигенов, — грабили, обманывали, избивали, запугивали, угнетали, выселяли и убивали те же самые богатые мрази, их правительства, их легавые и их армии, в течение сотен лет. И ОНИ ПРОСЯТ, ЧТОБЫ МЫ ИХ ПОДДЕРЖАЛИ, ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО НАМ СЛУЧИЛОСЬ БЫТЬ БЕЛЫМИ!!! ПОШЛИ ОНИ НАХУЙ!!!

Богачи и их прислужники скулят, когда аборигены возвращают себе контроль над СВОЕЙ землёй (и давайте признаем это — это была земля аборигенов в течение десятков тысяч лет, пока все остальные не появились здесь каких-то 205 лет назад) и ограничивают доступ для посторонних. Они жалуются, что эта земля «закрыта», доступна только аборигенам — как несправедливо! Богатые не могут на неё наложить свои загребущие руки, чтобы добывать золото или алюминиевую руду или строить роскошные туристические комплексы. Но как насчёт того, что не-аборигены, некоторые из которых даже не живут в Австралии, покупают огромные куски страны для личного использования и прибыли? Как насчёт того, что некоторым из нас хотелось бы иметь доступ к земле, которой владеет богатая мразь, или к земле, контролируемой Министерством обороны или каким-либо другим правительственным департаментом? Это наверняка будет гораздо труднее, чем проникнуть на землю аборигенов, могу вас заверить. Почему-то не слышно, как медиа-бароны кричат об ограниченном доступе ТАКОГО РОДА. Как смешно. Они довольно коварны, разыгрывая «расовую карту»: старый трюк «разделяй и властвуй», чтобы держать нас в подчинении, старый трюк «шоры», чтобы мы продолжали находиться в неведении и не видели своих истинных врагов. Контроль земли аборигенами — это гораздо лучше, чем оставлять её на милость капиталистов. Аборигены присматривали за землёй в течение тысяч лет, в то время как капиталисты обычно думают о краткосрочных прибылях, срубая сельву, чтобы продать древесину какому-нибудь буржую в Японии, выдёргивая минералы из земли как можно

скорее и сплавляя их налево. Несколькоим людям из рабочего класса повезёт, и они на какое-то время получают высокооплачиваемую работу на этих проектах, но в дальней перспективе мы все проиграем. Существуют туристические курорты, где богатые могут «отдохнуть от этого всего» — то есть от беспорядка и несчастий, которые они сеют по всему миру. Мы все остаёмся барахтаться в том, что осталось.

Если аборигены смогут вернуть себе свою землю и вновь получить какую-то степень контроля над своими жизнями, это может быть только хорошо. Возможно, оно смогут подать пример некапиталистического образа жизни, который был бы поучителен для нас всех. РАБОЧИЕ ЛЮДИ ВСЕХ РАС, СОЕДИНЯЙТЕСЬ И БОРИТЕСЬ С ВЛАСТЬЮ!!

Антифашизм, если он эффективен, является проблемой не только для фашистов, но и проблемой для государства. В то время как либеральные антифашисты не видят проблемы в усилении государства и намереваются маргинализировать фашизм посредством моральных аргументов, радикальный антифашизм ставит перед собой иные задачи. Мы не хотим, чтобы вещи оставались такими, какие они есть; мы хотим, чтобы люди боролись за лучшее общество. В Северной Америке Антирасистское Действие (АРД) было одним из главнейших голосов данного активного подхода. (На стр. 34 есть и другая информация АРД).

Во что мы верим

Анархисты верят в Равенство между всеми людьми вне зависимости от того, откуда их предки, какого цвета их кожа и где они родились. Мы верим в общественное равенство вне зависимости от национальности, гендера или сексуальной ориентации. Мы верим в экономику и сообщество, в котором все сотрудничают, дабы обеспечить всем здоровую жизнь в довольстве и процветании. Анархизм — это философия личной свободы, личной ответственности и взаимоуважения между всеми людьми. Антирасистское Действие основывается на идеях Солидарности и Взаимопомощи. Солидарность — это наше естественное возмущение каждый раз, когда мы видим акт несправедливости или зла. Взаимопомощь — это обычай людей собираться вместе, чтобы сопротивляться общему врагу или противостоять угрозе, которая могла бы оказаться непреодолимой для отдельных личностей, однако может быть преодолена, когда мы работаем вместе как группа.

Из листовки «Как бороться с расизмом» (ок. 1999)

«Единая платформа» Антирасистского Действия

МЫ ИДЁМ ЗА НИМИ: Где бы фашисты ни организовывались или занимались общественной активностью, мы там. Мы не верим в то, что их надо игнорировать. Никогда не позволяйте нацистам захватить улицы!

МЫ НЕ ПОЛАГАЕМСЯ НА МЕНТОВ ИЛИ СУДЫ, ЧТОБЫ ОНИ ДЕЛАЛИ НАШУ РАБОТУ ЗА НАС: Это не значит, что мы никогда не обращаемся в суд. Но мы должны надеяться на самих себя, чтобы защититься и остановить фашистов.

НЕСЕКТАНТСКАЯ ЗАЩИТА ДРУГИХ АНТИФАШИСТОВ: У нас в АРД представлено много различных групп и личностей. Мы не во всём друг с другом согласны, и мы имеем право открыто высказывать несогласие. Но в этом движении нападение на одного из нас означает нападение на всех. Мы поддерживаем друг друга.

МЫ ПОДДЕРЖИВАЕМ ПРАВО НА АБОРТ И СВОБОДУ РАЗМНОЖЕНИЯ: АРД собирается провести трудную работу, которая необходима для строительства широкого, сильного движения против расизма, сексизма, антисемитизма, гомофобии, дискриминации инвалидов, самых старых, самых молодых и самых угнетённых людей.

МЫ НАМЕРЕНЫ ПОБЕДИТЬ!

Крадучись: заметки об Антирасистском Действии и развитии антифашистских стратегий в Торонто

“Здесь представлен анализ АРД в Торонто. Хотя мы выпустили обсуждения некоторых конкретных событий, он интересен, так как показывает, почему АРД было успешно, вместе с тем указывая на группы, которые будут создавать проблемы: полиция, либеральные антифашисты и «революционные» авангарды.

Антирасистское Действие (АРД) было образовано [в Торонто] осенью 1992 года, чтобы организовать присутствие на уличном уровне для противостояния росту фашистского движения в Торонто. Первичный импульс исходил от молодых людей, многие из которых были старшеклассниками. Их главными целями было противостояние присутствию неонацистов как на политической, так и на социальной арене.

Первое должно было происходить в школах, где присутствовал и активно набирал кадры [фашистский] Фронт Наследия. Второе предполагало конфронтацию в клубах, барах и других общественных местах, где скинхеды и неонацистские группы начинали увеличивать своё присутствие и осуществлять физические нападения на людей с отличным от белого цветом кожи, антирасистов и панков.

Хотя фокус был определён на организации молодёжи, АРД также приступило к исследованию новых и творческих методов организации и расширения границ традиционных форм протеста в Торонто. Молодые активисты видели необходимость в оспаривании того, что им казалось угнетающими, обесценивающими и, в конечном счёте, неэффективными методами протеста, в которые впали левые. АРД нацелилось на то, чтобы отойти от скучных пикетов перед безликими зданиями и вместо этого построить активное движение на уличном уровне для борьбы с низовым фашизмом, которое будет вместе с тем работать в коалиции с другими группами по более широким вопросам.

Помимо критики мобилизационных стратегий левых, АРД отличается также неискоренимым сомнением в традиционных политических догмах. Недоверие к старомодным идеологическим ограничениям привело к созданию политического подхода, который, по

большому счёту, осуществляет заимствования из лучшего во многих традициях. Элементы анархизма, марксизма, идеологии немецких автономов, организации Первых Народов [индейцев Канады] и популярной культуры синтезируются внутри АРД, чтобы создать политический подход, который понятен участникам и позволяет группе выгнаться за рамки какой-то одной традиции в попытке создать новый способ политической работы.

Центральный элемент общего подхода АРД — это культивация антирасистской / антифашистской контркультуры. Это происходит преимущественно посредством организации регулярных концертов «Рок против расизма», а также вечеринок на выходных, кроме того — через создание «стиля» АРД. Группа активно распространяет значки и футболки (лозунг группы — «Крадучись», а их логотип — прыгающий на свастику тигр). АРД удалось понять, что один из главных источников привлекательности нацистов для молодёжи — это чувство одновременно бунтарства и сообщества, которое предоставляют подобные организации. Нацисты, несомненно, признают этот механизм, именно поэтому они приложили такие усилия к развитию неонацистских ансамблей в качестве инструментов для вербовки новых членов. АРД понимает, что для политической эффективности необходима «модность».

Мало кого из молодёжи фашистские организации привлекают только своей идеологией. Большинство вначале вливаются в культурную тусовку, через музыку, вечеринки или друзей, и лишь затем втягиваются в движение и его идеи. Предпочитая не игнорировать эту реальность, АРД активно старалось продвигать неотразимую, чуткую и весёлую культуру сопротивления, чтобы привлечь молодёжь и составить альтернативу нацистам. В то же время, присутствие активного социального элемента в политической организации помогает не только уберечь от скуки активистов и других интересующихся, но и даёт людям форум для построения дружбы и доверия, необходимых в эффективной политической работе.

Демонстрации АРД были более боевыми и конфронтационными, чем это традиционно принято в Торонто. Мероприятия постоянно привлекали большое количество людей, и присущая им атмосфера гнева и готовности встретиться с фашистами лицом к лицу одновременно запугивала неонацистов и привлекала внимание полиции и прессы.

Например, большая и решительная демонстрация в ноябре 1992 года перед «секретной» встречей Фронта Наследия в ресторане «Roma» заставила полицию прекратить встречу. Разозлённым нацистам пришлось спасаться бегством под защитой полиции, одновременно пытаясь избежать града яиц, которыми осыпали их демонстранты. Демонстрации 25 января 1993 года, созванной перед зданием суда в Торонто, было суждено стать центральным событием в обретении организацией формы. Канадская комиссия по правам человека была в процессе рассмотрения жалобы торонтского Центра коренных канадцев против телефонной горячей линии Фронта. Объявленный фашистский марш к зданию суда в поддержку Фронта Наследия был встречен демонстрацией АРД более чем из 500 человек, которая блокировала главный вход в здание.

Вместо того, чтобы провести небольшую группу нацистов в суд через чёрный ход, полиция предпочла атаковать антирасистов с двух сторон. Конные полицейские въехали в первый ряд демонстрации, они топтали людей, били их кнутовищами, в то время как пешие

полицейские зашли с одного из флангов, избивая при этом антирасистов кулаками и ногами. «Причиной» для нападения была необходимость переместить демонстрацию АРД, чтобы нацисты могли пройти мимо неё через главный вход в суд. Нескольким из демонстрантов потребовалась кратковременная госпитализация.

В последующем медиа-цирке и глава полиции Уильям МакКормак, и председатель Комиссии по городской полицейской службе Сьюзен Энь признались прессе, что нацистов не провели через один из четырёх других возможных входов, так как [нацистский вождь Вольфганг] Дрёге потребовал, чтобы его провели через главный вход (что заставляет поставить вопрос — кто на самом деле отдал приказ полиции атаковать антирасистов?) [...]

Несмотря на нападение полиции и аресты, многие восприняли демонстрацию как крупный успех.

Помимо того, что антирасисты численно превосходили нацистов более чем в десять раз, атака ясно дала понять, на чьей стороне стояла полиция. Последствия 25-го также показали, на чью сторону переходят другие антирасистские организации в случае кризиса.

27 января Лига прав человека Бнай-Брит и Канадский еврейский конгресс (С)С осудили демонстрацию через прессу. Национальная представительница Бнай-Брит Карен Мок обвинила АРД в том, что оно «примазывается к популярному движению и использует эту заметную антирасистскую инициативу, пытаясь создать беспорядок и взять закон в собственные руки».

Герда Фридберг из С)С заявила, что «Канадский еврейский конгресс не поддерживает подобные действия». Некоторым людям было ясно, что эгоистичная медийная уловка Бнай-Брит и С)С была скорее задумана для того, чтобы подтвердить и оправдать их собственные тесные рабочие отношения с полицией, чем для развития антирасистского движения. На самом деле, недавние разоблачения в США касательно сотрудничества Антидиффамационной лиги (американский аналог Бнай-Брит) с Управлением полиции Сан-Франциско в слежке за прогрессивными и левыми организациями определённо должны заставить убеждённых антирасистов в Торонто с подозрением отнестись к истинным политическим целям данной организации.

Осуждение этими организациями было также показательным в том, что оно напрямую подыгрывало утверждениям полиции и пропагандистских СМИ об отделении «законных» антирасистских групп от «незаконных» в надежде выставить АРД в качестве преступников и оправдать неспровоцированное насилие полиции против демонстрации. Тем не менее, по большей части эта попытка оказалась безуспешной — на уровне сообщества, если и не в самой прессе — поскольку «законные» группы, такие, как Центр коренных канадцев и Канадский центр исследования расизма и предрассудков в Монреале (а также представители чернокожего сообщества, женского и профсоюзного движений) полностью поддержали АРД и публично осудили действия полиции. [...]

Контролируя кризис?

[...] Хотя проблема полицейского вмешательства в организованную политическую деятельность не нова, следует понимать, что полиция привносит особенную динамику в контексте антифашистской работы, которая достаточно сильно отличается от других видов борьбы. Это связано с тем, что в других прогрессивных или радикальных движениях вопрос о привлечении полиции в качестве потенциального «союзника» в борьбе не стоит вообще. Идёт ли речь об институционализованном расизме, сексизме и гомофобии, или же о внутренней и внешней политике канадского правительства, все ясно осознают, что полиция как учреждение не может играть положительной роли в нашем деле.

К сожалению, с антифашистской организационной деятельностью всё обстоит не так. Деятельность неонацистских групп по определению насильственна, будь то собственно физические нападения или же подразумеваемая угроза, которую их присутствие означает для сообществ, исторически бывших целями фашистов. Их организационная деятельность также включает в себя незаконные действия, от сравнительно мелких инцидентов вандализма до более серьёзных насильственных действий, включая нападения, поджоги, полувоенные тренировки и убийства. В связи с этой реальностью многие антирасисты видят в полиции возможное средство против неонацистов.

Подобная раздвоенность в отношении полиции и проблематична, и опасна. Хотя большинство оказалось в состоянии быстро оценить полицейское насилие и откровенную враждебность, которая была продемонстрирована во время демонстрации 25 января (за исключением элементов «законного» и консервативного антирасистского движения), всё же присутствует сильная тенденция, которая ищет законных «средств» против сторонников белого господства. Эта тенденция проявляется не только в пожеланиях по введению более суровых законов против деятельности групп ненависти, но и в особенном поиске защиты полиции.

Желание искать поддержки полиции обычно распределяется по чётким границам расы и класса. Те личности и сообщества, что традиционно не страдали от рук полицейских, определёнno с большей вероятностью будут смотреть на них как на «защитников», чем как на угнетателей. [...]

Когда представляется возможность

Благодаря ранним успехам АРД, организация неизбежно вызвала интерес у различных троцкистских и марксистско-ленинистских политических партий, которые слетелись к АРД, словно мотыльки на свет. К сожалению, вскоре стало ясно, что большинство из них присоединились не ради того, чтобы искренне работать против присутствия неонацистов в Торонто, а чтобы помогать достижению целей своих собственных организаций. [...]

Позиция многих радикалов такова — антифашистская работа сама по себе не имеет значения, из-за сравнительно малой мощи и количества людей, которыми в данный момент располагает неонацистское движение в Канаде. Эти товарищи рассматривают государственный и полицейский расизм в качестве точек приложения усилий, и для них «гоняться за нациками» значит упражняться в чём-то неуместном. Какими бы благими ни были побуждения, и насколько бы правильным ни был анализ институционализованного

расизма, этот подход в своей основе отличается близорукостью и пораженчеством.

Утверждают, что без разлитого моря мейнстримового расизма фашистам и фашистскому движению не выжить. Таким образом, делается вывод, что действовать против неонацистов — значит начинать не с того конца. Опять-таки, сам по себе этот аргумент убедителен, тем более, что теоретически он правилен. Однако теоретическая точность не всегда способствует практической и эффективной политической деятельности. Как отметил итальянский антифашист Эррико Малатеста в начале века, «Лучшее — враг хорошего»: бесконечный поиск идеального политического действия слишком часто служит предлогом для того, чтобы ничего не делать. На самом деле, если антирасистское движение в Торонто не может достаточно эффективно построить стратегию и мобилизацию, чтобы устранить пару сотен нацистов, как мы можем реалистично ожидать, что нам удастся нанести поражение расистским законам об иммиграции, полицейскому насилию и другим институционализированным монолитам? [...]

Следует понимать, что широкие и эффективные политические движения не возникают спонтанно, а являются результатом многих лет борьбы. Эта работа, если она будет реалистичной и успешной, должна начинаться с установления достижимых целей и завоевания маленьких побед там, где они могут быть одержаны. Именно благодаря закалке маленьких побед — которые дают движению опыт и вдохновение — становятся возможными более крупные победы. Раса и сопротивление.

В основе значительной части критики — тот факт, что АРД, со значительными исключениями, состоит по большей части из белой молодёжи рабочего класса. Критика исходит как от радикалов с отличным от белого цветом кожи, которые скептически относятся к белым радикальным организациям, так и от других белых радикалов, которые, по существу, верят, что белым людям ни к чему инициировать антирасистскую работу. [...]

Именно связи с радикалами с другим цветом кожи, построенные на фундаменте из уважения, заработанного долгосрочной, принципиальной политической работой, могут оказаться наиболее крепкими и, следовательно, наиболее надёжными в случае кризиса. [...]

Второй из этих критических аргументов имеет значение только в той степени, в которой он основывается на политике, фокусирующейся главным образом на чувстве вины. Если белые просто возложат на людей с другим цветом кожи ответственность за инициирование действий касательно связанных с расизмом проблем, то, по большому счёту, это будет равноценно отрицанию и личной, и коллективной исторической ответственности за угнетение. Действенный способ признать ответственность за расизм — это не сидеть с виноватым видом и ничего не делать, а работать против расизма в белом сообществе. Как отметил бывший лидер Партии Чёрных Пантер Доруба Бен Вахад во время своей лекции в Торонто: «Расизм — это не проблема чернокожих. Это проблема белых».

На самом деле, именно поэтому состав АРД должен рассматриваться как преимущество, а не недостаток. В то время как белые леваки постарше, возможно, не замечают уместности белой молодёжи, фашисты точно не делают этой ошибки — и они сделали старшие классы школ значительным политическим полем битвы. Тот факт, что молодёжь всех рас

отчуждена и игнорируется обществом, общепринят, однако до последнего времени лишь нацисты пользовались этим разочарованием, чтобы набирать последователей среди белой молодёжи. Многие белые радикалы предпочли игнорировать некоторые из важнейших уроков о роли белых людей в антирасистской деятельности, высказанные такими из наиболее воинственных и ясно выражающихся чернокожих лидеров, как Ассата Шакур и Анджела Дэвис.

Подобная роль была сформулирована Кваме Туре и Чарльзом В. Гамильтоном в их книге «Чёрная власть: освободительная политика в Америке»:

“ «Одна из наиболее смущающих вещей касательно почти всех белых сторонников заключается в том, что они не стремятся отправиться в свои собственные сообщества — а именно там и процветает расизм — и работать над его искоренением... Существует надежда, что со временем образуется коалиция малоимущих чернокожих и малоимущих белых..., которая создаст мощный чёрно-белый блок, преданный цели создания свободного, открытого общества — а не такого, которое основано на расизме и субординации... Главная ответственность по выполнению этой задачи падает на белых... Белые бедняки становятся более враждебными — а не менее — по отношению к чернокожим, частично из-за того, что они видят, как внимание всей страны сфокусировано на бедности среди чернокожих, и мало кто, если вообще кто-то, идёт к ним... Только белые могут мобилизовать и организовать эти сообщества так, как нужно, чтобы эффективные союзы с чернокожими сообществами стали возможны... Если эта задача должна быть выполнена, то надо создать новые формы. В связи с этим процесс политической модернизации должен включать представителей белого сообщества, а также чернокожих».

Тот факт, что умные, чётко выражающие свои мысли и радикальные молодые люди противодействуют вербовке в своих школах и используют присутствие нацистов как возможность для своих товарищей принять участие и получить политинформацию о широких проблемах расизма и угнетения, должен приветствоваться, а не критиковаться. Тот факт, что многим из них присуще разочарование и недоверие к «традиционным» формам протеста и моделям политической организации, также должен быть поучителен для тех, кто желает слушать и учиться. К сожалению, недоверие к ленинистской партийной организации, презрение к бессмысленным линиям пикетов перед безликими зданиями и желание внести культурные элементы сопротивления в политическую работу бросает вызов нынешним левым иерархиям города, и многие предпочли отделаться от АРД на основании угрозы, которую подобная перспектива представляет для их собственных сравнительно авторитетных позиций. Слишком многие левые рассматривают молодёжь как пушечное мясо или как баранов, которых следует гнать в определённом направлении, а не как равных партнёров в политической борьбе, которые привносят в работу нужнейшие критику, анализ и энтузиазм.

Оспаривая проведение антирасистской работы, эти критики также неправильно поняли некоторые из самых основных принципов политической организации. Следует признавать, что люди эффективно организуются не из чувства вины, а благодаря пониманию собственной заинтересованности в переменах. Опять-таки, стоит процитировать Туре и Гамильтона: мы должны оставить позади лживое «представление о том, что политические коалиции могут поддерживаться только на моральной, дружественной, сентиментальной основе; на призывах к совести». Подобный подход ничего не делает для разоблачения и идентификации структур привилегий, и он слишком легко может привести к политическому разложению. Для Туре и Гамильтона жизнеспособные политические коалиции происходят от «признания сторонами соответствующих эгоистических интересов... [и]... взаимной веры в то, что каждая из сторон выиграет в достижении данных интересов от союза с другой или другими сторонами».

Белая молодёжь сейчас сталкивается с вербовкой, осуществляемой нацистскими группами, разбирается с нацистскими бандами в своих школах и местах, где происходит общение, и видит, как на их друзей, как белых, так и нет, нападают скинхеды. Таким образом, антинацистская организационная работа напрямую обращается к их жизненному опыту и политическим нуждам. Очевидно, что политическое образование и активизм не могут заканчиваться заботой о собственных нуждах, но начинать надо с этого. Рождение АРД предоставляет возможность вовлечь новое поколение активистов в антирасистскую работу и в радикальную политическую организационную деятельность. Это предоставляет политическую поддержку белой молодёжи из рабочего класса в том, чтобы она самоорганизовывалась по проблемам расизма и угнетения, что предоставляет возможность радикализовать целое поколение активистов. Это обещают такие группы, как АРД, и это долгосрочная перспектива, которую многие из левых критиков не желают замечать.

Лола, взято из «Arm The Spirit» № 16 (1993).

Единственный хороший фашист — это мёртвый фашист, как утверждает лозунг. Однако, как показывает эта статья бывшего нациста, жизнь после крайне правых группировок существует — и мы должны оспаривать фашизм ради людей, которых он хочет использовать. Эта статья отвечает с классовой точки зрения на вопросы, поднятые в критике АРД в журнале «Arsenal», такие, как «Является ли антифашизм всего лишь поводом для мордобоя?» и «Зачем в нашем движении нужны бывшие нацисты?»

АРД отвечает [журналу] Fighting Talk

[извлечения] Будучи бывшим нацистом, ставшим антифашистом, я работаю с АРД, поскольку это одна из немногих организаций, которая реалистично подходит к борьбе с фашизмом на уличном уровне. То есть АРД хватает смелости, чтобы стоять на своём и сражаться физически, если это необходимо. Однако «спрашивать, не привлекаются ли люди только по признаку способности к драке, а не из-за политического единomyслия», — попросту оскорбительно для таких, как я, бывших нацистов, которые вступили в ряды боевого антифашистского и анархистского движения.

То, что правые радикалы смогли завербовать меня — парня из рабочего класса, просто показывает бессилие либерализма и большинства «революционных» левацких групп, которым, в отличие от фашистов, не удаётся установить диалог с молодёжью из рабочего класса по касающимся их проблемам, таким, как безработица, падение зарплаты, стремительный рост стоимости жилья и в целом мрачные перспективы у рабочей молодёжи в сегодняшнем обществе.

Пожалуй, я бы позволил себе утверждение, что «признаваемый приток» бывших нацистов в боевые антифашистские группы является признаком того, что политика, стратегия и тактика этих групп кажутся эффективными людям, которые были их противниками.

Лично я больше верю в то, что надолго останутся в антифашистском движении люди, прошлое которых позволяет им понять, почему некоторые из представителей рабочей молодёжи рассматривают правых радикалов как жизнеспособную альтернативу нынешнему положению вещей, а не люди из среднего класса, которые являются «антифашистами» из альтруистических побуждений или потому что нацисты — «плохие».

Антифашизм не должен сводиться только к тому, чтобы физически не давать фашистам маршировать, митинговать и организовываться, он должен также участвовать в борьбе по реальным проблемам, которые затрагивают рабочую молодёжь, и представлять альтернативу существующему положению, дискредитированным левацким группам и фашистским организациям. На местном уровне у АРД установлены тесные рабочие отношения с Коалицией против нищеты провинции Онтарио, Комитетом акций защиты чернокожих и другими организациями, которые борются с нищетой, расизмом и полицейской жестокостью в Торонто.

Для меня и многих других участников АРД такой альтернативой является анархизм. Хотя АРД является широкой организацией, включающей целый ряд политических тенденций, без большого труда в АРД можно найти людей, которые участвуют в открыто анархических проектах, как правило, весьма боевитых. Прекрасным примером может служить Революционный антикапиталистический блок в Вашингтоне, округ Колумбия, в апреле прошлого года. Значительная часть тысячного блока анархистов состояла из групп доверия из отделений АРД. Децентрализованная и автономная структура сети АРД является ещё одним примером значительного участия анархистов в АРД. [...]

С антифашистской и анархистской солидарностью,

Майк Донован, АРД Торонто.

Ещё одно объяснение того, почему анархисты могут и должны выступать против фашизма, от Северо-Восточной Федерации Анархо-Коммунистов (NEFAC) из Северной Америки. Оно важно для того, чтобы ещё раз заявить о том, почему мы боремся с фашизмом, но также и для того, чтобы глянуть шире: фашизм — это не единственный наш враг.

За мир без фашизма

Что такое фашизм?

Фашизм — это потерпевшее поражение движение, набирающее себе сторонников среди представителей мелкой буржуазии, которые боятся потери своих мелких привилегий во времена экономической неуверенности; среди предавших свой класс ментов и надзирателей и среди отчаявшихся безработных, которые верят в то, что их единственное спасение придёт через жестокое преследование других представителей рабочего класса. Фашизм куёт альянс представителей разных классов, чтобы начать извращённую атаку на существующее капиталистическое государство, не с тем, чтобы его отменить, а чтобы его захватить. Он насильственным образом реорганизует общество, чтобы оно служило новым государственным паразитическим классам воинов и администраторов. Он не ограничивается только простым захватом контроля над государством, но и пытается интегрировать вообще всю культуру и капитал в военную иерархию с расистской кастовой системой.

Фашизм перехватывает гнев против богатых и искажает его. Он восхваляет железный кулак военщины и высказывает презрение к бархатной перчатке корпоративных начальников и политиков. Гнев направляется против иммигрантов и женщин. Он питается завистью к богатым. Для фашистов власть должна основываться не на акциях и голосованиях, а на крови и огне.

Патриархат фашизма даёт новое определение женщинам — не собственность отдельных мужчин, а государственный ресурс на окраинах мужского общества. Правящий класс с презрением отвергается как мягкотелый, а патриархальное насилие и мачизм возводятся на пьедестал.

Его экономика движима империализмом: войной, мародёрством и порабощением. Он освобождает своих приверженцев от тяжёлого и нудного повседневного труда или от нищеты безработицы, вознося их наверх, в новый правящий класс угнетателей, одновременно с этим принуждая к труду женщин, лишённых свободы жителей колоний и рабов. Это крайняя форма капитализма, которая становится главной линией развития только в контексте кризиса капитализма и потери законности правящей элитой.

Тоталитарные мечты фашистов часто созвучны желаниям многих государственников, которые хотят развязать себе руки от обмана «демократического» правительства и гражданских свобод. Подобно правым эскадронам смерти в Латинской Америке и ночным всадникам Ку-клукс-клана, ополчения являются огромным соблазном для тех государств, которым приходится бороться с кризисом капитализма. Точно так же местная буржуазия часто готова оплачивать счета, когда она находит, что глобальный новый порядок недостаточно отзывчив по отношению к её мелким проблемам. Именно поэтому

капиталисты в случаях острой необходимости обращаются к фашистам, но затем им приходится бороться за то, чтобы сохранять свой контроль. Фашизм — это порождение непримиримых противоречий капитализма, и его нельзя просто низвести до роли лакея установленного порядка.

Фашизм белых расистов является угрозой для всех «небелых» людей, для движения рабочего класса и для настоящей социальной революции. Это угроза обманных мечтаний, настоящих пуль и фабрик геноцида для тех, кто покажется «низшим» или же угрозой для «нации» или «белой расы»...

Зачем выступать против них?

Фашистские организации, такие, как Национальный альянс, убеждают людей не хитрыми аргументами в пользу расового превосходства. Они убеждают их демонстрацией мощи. Фашистская идеология давно шла рука об руку с силой кулака, дубинки и ружья. Национальный альянс использует крупные демонстрации, вроде той, что они планируют на 24 августа [2002 года, в Вашингтоне], чтобы дать своим приверженцам почувствовать власть и контроль, ощущение причастности почти что к военной силе, а также легитимизировать себя в качестве серьёзной организации. Акты насилия против тех, кого они провозгласили своими врагами (людей с отличным от белого цветом кожи, иммигрантов, инвалидов, евреев, гомосексуалистов, анархистов и т. д.), часто происходят после подобных демонстраций. [...] По этим причинам фашистам нельзя позволять использовать демонстрации в качестве инструмента для вербовки сторонников и усиления влияния. Как революционные анархисты, мы не можем им позволить спокойно использовать это примитивное, однако эффективное средство организации. Именно поэтому конфронтация необходима.

Однако стратегии, основанные исключительно на реагировании, только помогают фашистам. Существуют стратегические вопросы, на которые надо ответить, когда мы выступим против Национального альянса 24 августа. Что значит эта конфронтация и как мы, будучи анархистами, сможем донести своё антифашистское послание из активистского гетто в умы и сердца представителей рабочего класса? В кого мы целим, когда мы вступаем в эту конфронтацию? Какие тактики мы используем против Национального альянса?

Во-первых, мы должны понять, что нанести поражение фашизму — значит не чураться трудной работы в наших сообществах. Будучи федерацией, NEFAC отдаёт первенство участию в решении проблем, связанных с жильём, нищетой и местами работы. Это борьба, в которую мы вовлечены как верящие в классовую борьбу анархисты. Наша стратегия предполагает, что участие и вмешательство в эту борьбу, с анархо-коммунистической точки зрения, поможет радикализовать её, а также многих людей нашего класса, вместе с которыми мы боремся в своих районах и на рабочих местах, и что она построит сильное, многорасовое движение, способное нанести поражение фашистам. Постепенно строя базу для истинно массового, революционного анархического движения, способного нанести поражение не только фашистским организациям, но также и объединённым силам капитала и государства. [...]

Когда мы выступаем против Национального альянса, мы также общаемся с белым рабочим классом. Мы показываем им, что фашизм — это путь, которым крайне опасно следовать, и что существует сильное движение, противостоящее расистской идеологии. Мы делаем это несколькими способами. Мы должны разъяснять представителям своего класса, какое значение Национальный альянс имеет для наших сообществ, и работать над тем, чтобы политизировать своих соседей, сослуживцев, друзей и родных и дать им представление об идеалах анархизма. Мы должны, не покладая рук, вести работу против белого доминирования, которое лежит в основе нашего общества. На тактическом уровне мы должны при любой возможности вступать в физические конфронтации с Национальным альянсом и прочими распространителями ненависти. Хотя сейчас мы и преимущественно белая организация, решительно важно, чтобы мы строили принципиальные связи с сообществами и организациями людей с отличным от белого цветом кожи и вступали в совместную борьбу против фашистов.

Таким образом, конфронтация означает принципиальную поддержку для всех представителей нашего класса, которых капитализм обездолил, и провозглашение анархических решений для проблемы неравенства в системе, с которой мы сталкиваемся. Классовая война может быть выиграна или проиграна в зависимости от того, смогут ли обездоленные объединиться против своих общих врагов. Мы должны не давать белому доминированию продолжать разделять рабочий класс, и нам надо вести содержательный диалог внутри своего класса касательно того, почему расистские и фашистские убеждения являются тупиком для рабочего класса и почему анархическая социальная революция — это цель, за которую надо бороться. Конфронтация также означает возможность физического столкновения с фашистами на улице. Когда они чувствуют свою безнаказанность и силу, это придаёт им храбрости. Когда они смеются, результатом становится насилие. Когда их физически вытесняют с улиц, они теряют своё чувство силы и разочаровываются в своих организациях.

Мы предоставляем организациям вроде Национального альянса отличную возможность для распространения их послания среди населения, если не будут широко распространяться анархические убеждения, стратегии и цели. Другое видение мира должно существовать и пропагандироваться.

Каково решение проблемы фашизма?

Анархическая социальная революция!

Северо-восточная Федерация Анархо-коммунистов (NEFAC) / Federation des Communistes

Libertaires du Nord-Est, август 2002 года.

Фашизм существует не только в Северной Америке и Западной Европе. В данной статье российский анархистский журнал «Автоном» говорит об ограниченности некоторых из групп, которые, как считается, борются там с фашизмом.

Теперь это модно

Избиение коричневой мрази стало весьма популярным развлечением среди городской молодёжи разных национальностей. Даже кремлёвские политтехнологи, почитав «Автоном», сделали вывод, что антифашизм имеет некоторые перспективы.

На месте «Идущих вместе» было создано движение «Наши», которое определяет фашизм так, как это традиционно принято в России: фашистами считаются все «предатели», то есть те, кто уже не соответствует интересам существующей власти — сейчас речь идёт о либералах и большевиках. [...]

Либеральная общественность подняла много шума вокруг появления «Наших», но истеричные либералы не понимают, что «Наши» будут существовать ровно столько, сколько власти будут заставлять бизнес выделять им деньги. Через год или два их заменит какой-нибудь новый бренд, чтобы отвлечь внимание от того, что на самом деле происходит в стране.

Но всё-таки «Наши» способствуют до определённой степени нагнетанию атмосферы страха и насилия в обществе — в том числе, благодаря налётам на оппозиционные молодёжные организации. Представители «Наших» заявляют, что их организация будет решать проблему фашизма «не путём противостояния, а путём перевоспитания»; они собираются «создать детям спортивно-культурный досуг», и у них «на погромы времени не будет». И как это оказывается кстати. Националистическое движение в России сейчас переживает кризис. В течение последних трёх лет националисты не были способны организовать ни одного масштабного погрома в Москве без пособничества определённых кругов политической элиты, как это доказывают заказные погромы после футбольного матча Россия-Япония в июне 2002 года и на Царицынском рынке в октябре 2002 года. Сейчас эти политические проститутки остро нуждаются в финансировании и тренировочных лагерях, которые им могут обеспечить «Наши».

Антифашизмом интересуются не только власти. Года два назад одному из создателей сайта «Бритоголовая революция» позвонили из РАО ЕЭС: «Здравствуйтесь, предлагаем вам стать молодёжным движением СПС, мы можем предложить вам очень много денег». Предложение было отвергнуто, но напоследок чиновник заявил: «Вы не понимаете, мы можем предложить ОЧЕНЬ много денег...».

Предложения о сотрудничестве постоянно поступают и от оппортунистов не такого высокого полёта: от разных правозащитных НПО, троцкистов, молодёжных организаций политических партий... Это признак того, что у них опять появилась возможность получить какой-нибудь грант на «антифашистскую деятельность», и им нужны люди, которые будут выполнять грязную работу. Но их желание обычно быстро проходит, по крайней мере, если их навесят человек 50 с арматурой из противоположного лагеря.

Но фашизм и парламентская демократия, за которую выступают либералы — не противники, а две стороны одной медали. Тоталитаризм и парламентская демократия — это два варианта управления государством при капитализме. С точки зрения капитала, оба имеют свои достоинства и недостатки. Парламентская демократия более способна к урегулированию конфликтов между интересами разных групп в обществе. Но обычно

конфликт улаживается только после увеличения государственных расходов, что требует постоянного экономического роста, для которого, в свою очередь, необходима более интенсивная эксплуатация рабочих, природных ресурсов, животных и «менее развитых» стран. Когда эта интенсификация достигает своего предела, наступает экономический кризис.

И в условиях экономического кризиса зачастую выгоднее перейти к фашизму, поскольку он обеспечивает государство более широким набором средств для подавления протеста. Однако, поскольку фашизм постоянно нуждается во внутренних и внешних врагах, в перспективе эта система весьма нестабильна; поэтому сейчас большинство экономических и политических элит мира предпочитает парламентскую демократию с некоторыми элементами фашизма («антитеррористическое» законодательство, сбор биометрических данных граждан, повсеместное размещение камер видеонаблюдения, телевидение, полностью находящееся в руках государства или крупных капиталистов, лояльных ему...). Нет никакого сомнения, что при необходимости элиты готовы немедленно перейти от парламентской демократии к фашизму — в современном высокотехнологичном обществе это стало проще, чем когда-либо ещё.

Фашизм всегда будет неизбежным элементом капитализма, особенно в условиях экономического кризиса; уничтожение фашизма без уничтожения капитализма невозможно. Именно демократы, из-за страха перед «угрозой коммунизма», передали власть Муссолини в 1922 году и Гитлеру в 1933-ем, соблюдая при этом все законы. В Италии либералы некоторое время даже сидели в правительстве вместе с фашистским диктатором.

3 мая 1937 года в Барселоне республиканцам не удалось победить рабочих: хотя полиция и захватила центр города, анархо-синдикалисты из НКТ и марксисты-интернационалисты из партии ПОУМ смогли отстоять рабочие кварталы. Но то, что правительство республики не достигло на военном фронте, было достигнуто на политическом. Под лозунгом «антифашистского единства» анархо-синдикалисты сложили оружие. Всего через несколько недель после фактической капитуляции анархистов перед буржуазной демократией была начата охота на всех противников сталинизма, создана служба безопасности по модели НКВД, добровольные милицейские отряды слиты с регулярной армией, сталинист Листер отправил войска для разгрома коммун в Арагоне... Советское оружие республиканцев было не хуже немецкого оружия фалангистов, так что поражение республики невозможно объяснить только военными причинами. К 1939 году процесс создания тоталитарного государства усилиями большевиков был завершён, и рабочие уже не видели смысла воевать за режим, который ничуть не отличался от режима Франко. Причина поражения «антифашизма» большевистского образца в Германии и Испании 1930-ых проста — было сложно увидеть разницу между ним и самим фашизмом.

Существует много разновидностей антифашизма. Единственно, каким не может быть антифашизм — это «аполитичным», потому что невозможно быть «против» чего-то, без одновременного выступления «за» что-то. И тот, кто не предлагает никаких альтернатив фашизму, по сути выступает за существующий режим, для которого переход от парламентской демократии к фашизму и обратно — всегда только прагматичный выбор, зависящий от текущей ситуации.

Наш антифашизм — это каждая сорванная фашистская наклейка, каждая закрашенная свастика и кельтский крест, каждая разбитая фашистская морда. Это антоним всех иерархий, антоним всего, что представляют собой нацизм и капитализм, антоним всех приказов. Это любовь, выставленная против ненависти. Это не авангард самых крутых бойцов, потому что храбрость не равна совести. Это не игра, потому что убийцы шестилетних детей тоже не играют. Это отсутствие централизованного управления — только солидарность. Наш антифашизм не требует ни денег либералов, ни поддержки большевиков, ни помощи бандитов — мы у них не просим ничего, потому что мы живем не ради власти, а ради свободы.

Путин-187, взято из «Автонома» № 25 (2005).

Антифашизм сегодня

Здесь приведена дискуссия (конец 2005 года, каждый из участников представляет только самого себя) между кем-то из Библиотеки им. Кейт Шарпли, участником группы «Классовая Война» (Class War) из Великобритании и североамериканским товарищем, связанным с антифашистским блогом «Борьба на три фронта» (Three Way Fight).

БКШ: Как вы связаны с антифашизмом?

КВ: Я начал принимать участие в антифашистском движении после того, как переехал в Лондон в 1992 году. Я увидел «битву при Ватерлоо» по ТВ и подумал — я хочу принимать в этом участие!

Я пару раз написал АФД, но так и не получил ответа. К тому времени я присоединился к «Классовой Войне», и я просто стал делать что-то через них. Обычно мы просто присоединялись к мероприятиям, организованным другими антифашистами, — как правило, АФД, если оно было в деле, но мы занимались и собственными делами в восточных районах Лондона, или же присоединялись к довольно крупным когда-то группам, не принадлежавших к каким-либо организациям антифашистов в Восточном Лондоне.

К тому времени, как деятельность АФД в Великобритании подходила к концу, я был убеждён, что в противостоянии фашизму необходимо использовать различные тактики и что прямое действие должно рассматриваться в качестве возможного варианта при любой стратегии. Я короткое время был связан с группой «Без платформ» («No Platform»), а когда она сдулась, я был одним из людей, которые сформировали «Антифа» («Antifa»).

БЗФ: После нескольких лет активности в панковских и скинхедских кругах я пришёл к выводу, что с радикальной антиавторитарной политикой должны пересекаться более широкие слои людей вне субкультурной тусовки. Я начал заниматься работой для Анархистского Чёрного Креста (АЧК) и поддержал кампанию в помощь антифашисту, которого обвиняли в нападении на нациста. Комитет Антифашистской Защиты (AFDC) был создан в Миннеаполисе, штат Миннесота, различными анархистами и антирасистами. Революционная анархистская федерация «Любовь и ярость» (Love and Rage Revolutionary Anarchist Federation) также сыграла ключевую роль в распространении информации об этом

деле и о защите, так как подзащитный был членом «Любви и ярости», а также одним из основателей АРД в конце 1980-ых. Эта кампания защиты происходила около 1993 года.

С АЧК мы поддерживали как активных борцов (как в случае с AFDC), так и давних политических заключённых (многие из которых были чернокожими / новыми африканцами, пуэрториканцами и коренными американцами). Эта работа была способом открыть диалог вокруг самой концепции тюремной системы и касательно того, что «закон и правопорядок» был и остаётся механизмом социального контроля, в контексте Соединённых Штатов непропорционально сильно затрагивающим бедняков и людей с отличным от белого цветом кожи.

АЧК был позитивным способом показать радикальную анархическую политику в действии. Выступая общим фронтом с другими группами, мы добавляли в смесь свои собственные воззрения и, делая это, надеюсь, помогали расти себе и своему движению, стараясь выглядеть преданными делу, принципиальными и серьёзными.

Примерно в это время некоторые анархисты и группы АЧК начали развивать отношения с Лоренцо Комбоа Эрвином. Его книга «Анархизм и чёрная революция» оказала серьёзное воздействие на многих анархистов, выступавших за классовую борьбу и против расизма. Тот факт, что Эрвин принимал участие в общественной (и личной) самозащите против нападений белых фашистов, помог ещё сильнее сцементировать связь между боевым антирасизмом, политикой классовой борьбы и революционным анархизмом.

К тому времени я переехал в Чикаго, штат Иллинойс, и через АЧК я работал над различными проектами по борьбе с полицейской жестокостью, тюрьмами и джентрификацией. Эта работа не обязательно была антифашистской, но мы всегда старались подходить к ней с точки зрения, которая включала в себя критические перспективы, основанные на расе и классе (а также гендере и возрасте).

Для некоторых из нас наша работа в АЧК привела к более тесному сотрудничеству с антифашистскими проектами, такими, как Антирасистское Действие (АРД). В конце концов, группа АЧК, в работе которой я принимал участие, просто самоликвидировалась и влилась в АРД. С тех пор я специально занимался делами АРД или антифашистской политической активностью.

БКШ: Каковы корни АРД? Каковы его наиболее примечательные достижения?

БЗФ: АРД было основано в 1987 году, когда в скинхедской тусовке произошёл крупный раскол между антирасистами и нс-скинами. АРД было основано «Плешивыми» («Baldies»), многорасовой скинхедской бригадой в Миннеаполисе. Сначала АРД должна была стать средством для построения более массового присутствия антирасистов, чтобы выступить против нацистов, однако, по большому счёту, она оставалась движением скинхедов в течение первой пары лет своего существования. Репутация АРД и «Плешивых» росла по всей стране, и стали формироваться альянсы между АРД и скинхедами- антирасистами. Панк-пресса, например, журнал «Maximumrocknroll», продвигала АРД и писала об акциях против нацистов. На самом деле, именно из «MRR» многие из нас в других частях страны впервые

узнали о «Плешивых» и АРД, приблизительно в 1987-ом или 1988-ом.

К началу 1990-ых АРД превратилось в более широкое движение, ориентированное на молодёжь. По преимуществу оно было анархистским, однако обладало политической открытостью, предотвращавшей его превращение в закрытую секту. Кроме того, это было боевое движение, что по-настоящему отличало его от значительной части левых, которые говорили правильные слова, однако не занимались делом.

В течение 1990-ых деятельность АРД начала затрагивать более широкие круги населения. Различные отделения начали инициировать проекты в диапазоне от антинацистской активности до атак на более институционализованные формы расизма. Этот последний аспект обычно материализовывался в форме «Надзора над ментами» (Cop Watch), являвшегося способом отслеживать и срывать действия полиции в наших городах.

Я бы сказал, что одним из успехов АРД было то, что оно являлось крупнейшим антифашистским движением в США и Канаде. Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу, что в течение 1990-ых гг. АРД удалось политизировать сотни активистов, и ещё сотни людей к нему тянулись, не обязательно присоединяясь к ядру организации, однако формируя необходимую периферию. Около 1997-го, навскидку, количество участников АРД составляло полторы — две тысячи человек.

АРД отличал бескомпромиссный политический подход, а также культурный аспект, что привлекало людей. Люди чувствовали, что они становились частью настоящей тусовки. Активисты организовывались, путешествовали и строили движение в период, когда не было интернета (вау, попробуйте себе это представить — ха!) У нас была настоящая сеть, основанная на непосредственных контактах и отношениях. Вы могли ездить в совершенно разные города, и в каждом была бригада АРД, с которой можно было связаться. Более важным было то, что мы непосредственно противодействовали расистским и фашистским группам, которые старались заниматься организационной деятельностью. Первый пункт единой платформы АРД таков:

«Мы идём за ними. Где бы фашисты ни организовывались или занимались общественной активностью, мы там. Никогда не позволяйте фашистам захватить улицы!»

АРД относилась к этому всерьёз. На всём пространстве США и Канады, от больших городов до маленьких посёлков, если фашисты были активны, то АРД организовывалось, чтобы их остановить и чтобы максимально затруднить их деятельность. Разумеется, успеха мы достигали в разной степени. Иногда нам удавалось раздавить фашню. В некоторых случаях нам приходилось признать своё поражение, если им удавалось нас перехитрить, и мы не могли выйти на поле брани. Даже в таких ситуациях АРД пыталось что-то сделать, но иногда битва бывала проиграна, даже если война ещё продолжалась.

В некоторых случаях АРД выступало против ментов, которых мобилизовали для защиты фашистских сборищ. Люди хотели добраться до фашистов, и стена ментов становилась ещё одной мишенью для гнева. В некоторых городах на протесты против фашистов выходили сотни или тысячи человек. При таком количестве людей получалась смесь из самых разных

политических целей и перспектив. АРД старалась находить общий язык с антирасистами из активистских и рабочих кругов, и АРД-шники бросались в самую гущу схватки. Это принесло АРД признание многих людей. В какой-то степени это привело к такому положению, что вы либо любили АРД, либо ненавидели его, но вы никак не могли его игнорировать.

АРД определённо сыграло большую роль в том, что некоторым фашистским группам стало невозможно продолжать свою деятельность. Организации вроде фашистской Мировой Церкви Творца какое-то время спустя не могли действовать на людях без защиты многочисленных полицейских. Их кадры даже стали мишенями для нападений в их собственных районах. Я бы сказал, что АРД в весьма большой степени причастно к прекращению нескольких фашистских операций.

БКШ: Чем вы занимаетесь сейчас?

БЗФ: В данный момент антифашистское движение в США находится в низшей точке отлива. К лучшему или к худшему, но группы вроде АРД следуют за фашистами. Когда фашисты активны, активно и АРД. Когда фашисты ничего не организуют, АРД немного теряется. Эта нехватка последовательности и неспособность сформулировать более широкую программу заставили некоторых активистов сделать шаг в сторону и вновь обдумать нашу программу.

Мне кажется, что у фашистских групп, как и у левых групп, бывают периоды роста и активности, а бывают периоды неуверенности в политическом направлении и стратегии. Постоянным мне представляется фашизм как идеология, способная проявиться и воспользоваться ситуациями, которые стали социально и политически поляризующими, особенно если они связаны с расой, экономикой и культурой. Антифашистам надо разрабатывать широкий анализ, который позволит предположить, где фашистские тенденции могут появиться — в потенциале или в реальности.

К сожалению, большинство организационных действий антифашистов сводится к столкновениям с фашистами на квазивоенной основе. Стратегические и более идеологические соображения рассматриваются настолько по минимуму, что подчас кажется, будто их вообще нет. Мне кажется, существует опасность забиться в собственный мирок и настолько увлечься абстрактным теоретизированием, что мы ничего не будем делать, однако существует и реальная тенденция — действовать, не сопровождая это анализом.

КВ: Сейчас много что нужно делать. Просто собирать разведывательную информацию и быть в курсе стратегий, групп и деятельности ультраправых — это уже огромная задача. Сейчас антифашисты в Великобритании перегруппируются, в то время как фашисты сильнее, чем они когда-либо были в этой стране. Мы играем в догонялки. На личном уровне — в этом году я провёл много времени, изучая ультраправые вебсайты (как британские, так и американские), и много времени в качалке — пицца для размышлений и пицца для тела!

БКШ: Фашизм — говно, что тут можно ещё сказать?

БЗФ: Я думаю, что многие люди глядят на фашизм и восклицают: «Что за куча дерьма! Как может кто-то по-настоящему верить в это?» Даже многие антифашисты относятся к

фашистскому движению как к шутке, жестокой, но шутке. Без сомнения, в фашистских движениях хватает долбоёбов, идиотов и людей, которые не разбираются в политике, но разве подобные типы не существуют во всех движениях? Я бы сказал, что в настоящем фашистском движении наименее политически грамотные и умные участники будут изгоняться из рядов. Фашизм гордится своими способностями, преданностью и готовностью к жертвам.

Фашистские движения прошлого были популярны, потому что они предлагали всеобъемлющую идеологию с соответствующей программой действий. Миллионы людей приняли фашизм не потому, что эти люди были глупы, а потому, что фашизм предлагал видение социальной трансформации во время международного кризиса. Фашизм был способен мобилизовать массы.

Я считаю, что это важно. Точка зрения, которой я придерживаюсь, рассматривает фашизм, по сути, как настоящее движение с идеями, которые могут привлечь людей и мотивировать их. Это идеология и мировоззрение, с которым нам придётся соревноваться не только на физическом или военном уровне.

КВ: Фашизм — это динамичная политическая идеология, которая стремится привлечь все классы, чтобы объединить их в сильном государстве под контролем иерархически построенной элиты. Обычно раса является ключевым компонентом фашизма, и он всегда предполагает яростный антисоциализм и выступает против любых независимых организаций рабочего класса. Фашизм, как правило, выступает против интернационализма, кроме случаев, когда этот интернационализм основан на расе.

БКШ: Каково нынешнее состояние фашизма в Северной Америке?

БЗФ: Обсуждая фашистское движение в Северной Америке, я, прежде всего, должен сказать, что оно сейчас меняется, и в нём имеется несколько конкурирующих политических тенденций. Чтобы дать ответ, я их разобью на три основные категории. Надо признаться, что категории, которые я использую, являются упрощёнными и, соответственно, преувеличивают некоторые тенденции и игнорируют другие фракции, более мелкие, более идеологизированные, представляющие более сектантский фашизм. Эти группы — это то, что мы могли бы назвать «третьей позицией». Более подробные объяснения потребует целой книги. Но, тем не менее, я думаю, что нижеследующий анализ даст какое-то представление о том, что здесь творится.

Первая категория — это то, что я бы назвал блоком европейского / белого фашизма. Он включает Национальный альянс, Движение созидательности (ранее называвшееся Мировой Церковью Творца), «Арийские нации», различные группы наци-скинхедов, современный ку-клукс-клан и т. д. По сути, они происходят от белого и европейского фашизма и гитлеровского национал-социализма.

В этих тусовках сейчас происходят самые разнообразные расколы. Некоторые из видных вождей в последние несколько лет умерли, и происходит борьба за власть. Мне кажется, что есть основания полагать, будто правительство США развернуло против фашистов

кампанию по предотвращению восстания, включающую убийства кадровых нацистов ментами при неясных обстоятельствах и заключение фашистов в тюрьму по надуманным обвинениям. В нацистских кругах продолжается активность, но, как мне кажется, многие группы сейчас проходят через процесс перегруппировки.

Второй блок не является явно «фашистским» (и благодаря своему американизму некоторые фракции могут заявлять о своём «антифашизме» и иметь антирасистскую платформу, основанную на христианском фундаментализме), но он основывается на более популярной ультраправой, консервативной, религиозной и проамериканской националистической политике. Могут существовать пересечения с бескомпромиссными фашистами, однако этот блок уникален в том, что его часто можно определить как ультраконсервативное движение, которое стремится сохранить Соединённые Штаты как единую страну, хотя и христианскую страну с доминированием белых. Ещё одной значительной политической характеристикой этого блока является то, что он склонен к изоляционизму и желает ограничить участие США в мировых делах. Я бы сказал, что в США это довольно значительный блок. Если возникнет углубляющийся социальный кризис, этот блок может оказаться самой сильной из организованных политических тенденций, находящихся в оппозиции нынешней двухпартийной избирательной системе. Сюда же должны быть отнесены группы, выступающие против иммиграции, организации линчевателей, сельские ополчения и секции активистского движения против права на аборт. Одним важным различием между этим блоком и оголтелыми фашистами является отношение к революции. Большинство неонацистов выступает за социальную революцию и разрушение США, что противоречит желаниям ультраконсерваторов. Хотя при соответствующих социальных обстоятельствах консерваторы могут увидеть нужду в том, что, по сути, сводится к радикальному авторитарному «восстановлению» общества США. Политические идеологи вроде Пата Бьюкенена и его журнала «Американский Консерватор» («The American Conservative») могут считаться ясным голосом этого блока, хотя не обязательно доминирующим.

Последний блок — это не разыгранная ещё карта, и он пока не материализовался на сколько-нибудь массовом уровне, хотя условия для его появления и присутствуют. Прежде чем я буду это излагать, я хочу уточнить, что в данной ситуации огульное навешивание ярлыка «фашизм» несколько проблематично. Тем не менее, определённые характеристики сходны с фашизмом, и любая дискуссия требует серьёзного внимания и анализа авторитарной природы данного блока. Я считаю этот блок основанным на дезорганизованных и маргинализированных массах бедняков и рабочих. Я бы сказал, что это может привести к появлению ультраавторитарных общественных движений, которые ставят мужчин во главу угла, милитаризированы, основаны на религии и повстанчестве.

Эти движения возникают не только в белой / европейской культуре, скорее наоборот. За пределами США «Хамас», садристы в Басре и сеть «Аль-Каиды» являются наиболее вопиющими примерами несоциалистических, неосвободительных движений с идеологической мотивацией. «Хамас», сильно развитый в секторе Газа, обладает конкретным географическим пространством, которое он может определять и контролировать. Он также располагает массовой поддержкой из-за своей готовности сражаться с Израилем и из-за развития собственных программ социальной помощи на контролируемой им территории. Ну, упомянутые только что группы возникли в собственной

уникальной сфере, но я думаю, что здесь могут развиваться не слишком отличающиеся ситуации. Если в Штатах не материализуется революционная «левая» оппозиция, состоящая из угнетённых и определяемая ими, тогда в этой пустоте возникнут более реакционные формы. Эта позиция вызывает споры, поскольку она отрицает тот взгляд, что угнетённые обязательно создадут левую оппозицию государству.

Здесь в Штатах существуют крупные преступные ассоциации, которые действуют в сообществах бедняков и людей с отличным от белого цветом кожи. Эти организации могут быть связаны с определёнными элементами среди властей и ментов, но они всё же обладают сравнительной автономией, которая, как мне представляется, может послужить основой для повстанческой и авторитарной реакции против государства, если произойдёт социальный сдвиг, при котором на карту будут поставлены ресурсы и власть.

Поскольку я дал определения трёх основных (и упрощённых) блоков, я хочу добавить — это означает, что к каждому из них надо подходить особо. Мы не можем обращаться с этими движениями одинаково. Фашизм — и более широкий авторитаризм — сложен, и наши взаимодействия с ним не могут быть статичными.

БКШ: Ты можешь немного рассказать об идее «борьбы на три фронта»? Насколько я понимаю, она заключается в том, что фашисты не обязательно являются орудием нынешнего правящего класса.

БЗФ: В какой-то степени я это уже затронул. Идея «борьбы на три фронта» состоит в следующем. Во-первых, есть государство и капиталистические правящие классы. Во-вторых, есть низовые повстанческие силы, которые сражаются за свои собственные цели и автономны от государства. Здесь это разделяется. Одна сила — это сторонники авторитаризма. Сюда относятся фашисты и авторитарные социалисты. В другом углу находимся мы, революционные антикапиталистические и либертарные левые.

Однако границы здесь не всегда ровные и чёткие. Подобная перспектива не предполагает, что марксисты и ленинисты являются фашистами. И не утверждает, что либертарные и антиавторитарные левые свободны от ошибок и противоречий. Мы просто думаем, что нашей стороне придётся соревноваться — и идеологически, и физически — не только с государством. Мы не считаем, что существует простая дихотомия — «мы и они», это намного более сложно. Авторитарные левые во многом лишились доверия после распада СССР, и с подъёмом «антиглобализационного» движения накатилась новая волна радикальной и народной антиавторитарной политики. Однако всё это может измениться. Нет оснований полагать, что авторитарные и сталинизированные политические взгляды не смогут вернуться, точно так же как нет оснований быть уверенными в том, что антиавторитарная политика будет развиваться и станет доминирующей политической тенденцией в борьбе против государства.

Нам следует заниматься практической деятельностью и предлагать перспективы, которые укоренены в радикальном либертарном и социалистическом видении мира. Не то чтобы на всём, что мы делаем, должна быть большая буква «А» в круге, но нам надо критически относиться к стратегии и политическим тенденциям. Как я сказал ранее, если не будет

революционной антиавторитарной тенденции, то в подобной пустоте разовьётся более авторитарная политика.

Можно подумать, что подобные представления очевидны в анархизме, однако мне так не кажется, по крайней мере, на Северную Америку это не распространяется. Фашизм в качестве оппозиции часто недооценивают, или же революционеры думают, что если дела пойдут плохо и если государство столкнётся с серьёзными трудностями, то это, в конечном счёте, приведёт к объединению оппозиции. Я не разделяю подобных взглядов, мне кажется, что история указывает на появление чего-то гораздо более разнородного.

БКШ: Каково нынешнее состояние британского фашизма?

КВ: То, как фашизм адаптируется к меняющемуся политическому климату, и его способность следовать за временем примечательны, если сравнить его с динозаврами левого движения последнего столетия (и подчас с анархическим движением). Весьма паршиво дравшийся в течение пятидесяти лет, британский фашизм сейчас собрался с силами.

Поглядите на то, как Британская национальная партия (БНП) попыталась организовать в Южном Йоркшире. Они говорили о современных проблемах — о подъёме ислама, об изменениях, принесённых беженцами, и об их влиянии на социальные службы, о коррупции в местных органах власти, которые долго находились под контролем лейбористов — в то время как левые слишком часто трепались о Палестине или о поражении забастовки шахтёров 20 лет назад. Они пытаются заполнить вакуум.

Во-вторых, я считаю, что международные связи, которые установили между собой фашистские группы в Европе / Северной Америке, посрамляют связи между антифашистами в Европе и США. Нам надо наверстать упущенное.

В Соединённом Королевстве те из фашистов, которые адаптировались к обществу, добились политического преуспевания (гляньте на Ника Гриффина), в то время как те, что сохранили приверженность старым теориям об антисемитском заговоре, либо находятся в застое, либо завязят от притока новобранцев, разочаровавшихся в популистском подходе «новой» БНП.

Самым ловким ходом Ника Гриффина был отказ от обязательства БНП обязательно репатриировать всех, кто не белый. Этот пункт был смехотворным (более чем!), и удаление его означало, что довольно многие из старых нацистов-психов покинули БНП. Когда этот пункт был убран, люди, у которых мог быть случайный чернокожий друг, которые хорошо ладили с персоналом в китайском ресторане у себя на районе, или которым нравилась азиатка в лавке на углу, могли голосовать за БНП без чувства, что они обязательно посылают таких людей в газовые камеры.

Вторая причина роста фашизма в этой стране полностью внешняя, и вполне вероятно, что антифашисты с этим практически ничего не могут поделать. Рост радикального ислама не имеет никакого отношения к этому интервью, однако, на самом деле то, что произошло во многих мусульманских обществах в течение последних 20–30 лет, и то, что люди видят в некоторых британских сообществах, пугает их до полной усрачки.

По поводу этой проблемы, также как по поводу третьего пункта — низкого уровня интеграции между британскими мусульманами и другими сообществами, не было ничего серьёзного сделано британским политическим истеблишментом. За эту проблему взялись фашисты. Её сейчас пытаются решать старые левые, в форме коалиции «Уважайте единство» (Respect Unity Coalition), послание которой, по сути, такое: «Не критикуйте мусульман». Всё может стать ещё хуже, прежде чем наступит улучшение, особенно если произойдут новые самоубийственные террористические атаки, произведённые британскими мусульманами.

БКШ: Сильное ли влияние на положение вещей оказала «война с террором»?

БЗФ: Я думаю, что она запугала многих радикалов и затруднила массовую работу. Государство определённо действует с использованием более репрессивных тактик. Присутствует также массивная пропаганда, которая говорит: «Ты с Америкой или ты против Америки». Существуют статьи в СМИ, утверждающие, что помимо родившихся за границей террористов, существуют также доморожденные террористы, среди которых — сторонники превосходства белой расы, анархисты и радикальные природоохранные группы вроде Фронта Освобождения Земли (ELF) / Фронта Освобождения Животных (ALF). В некоторой степени, чем дольше затягивается война в Ираке, тем больше люди становятся ей недовольны. Существует растущее антивоенное движение, и это подрывает понятие о преданности нынешнему правительству. Люди чувствуют прилив смелости и открыто высказываются. Это может добавить пространства для диалога и для радикальных голосов.

КВ: Это стало бедой для межрасовых отношений в Соединённом Королевстве. Различные сообщества ещё больше отдалились друг от друга, и, скорее всего, политический истеблишмент в Великобритании / США это не заботит, а людей вроде Бен Ладена и британских мусульманских экстремистов это радует.

Когда происходит поляризация, люди выбирают стороны. И каждый раз, когда британского мусульманина видят обсуждающим джихад или восхваляющим тех, кто сражается с войсками США / Великобритании в Ираке или Афганистане, это означает ещё кучу голосов и жертвований для БНП.

БКШ: Что должно сделать боевое антифашистское движение, чтобы одержать победу?

БЗФ: Это большой вопрос, на который у меня нет хорошего ответа.

Я думаю, важнее всего то, что мы должны принимать участие в борьбе, не ограничиваясь просто антифашистскими уличными битвами. Я думаю, что у нас должны быть группы по мониторингу и что нам надо следить за различными фашистскими фронтами, однако наш вызов фашизму может быть брошен на более широкой арене. Я думаю, мы вступим в бой с фашистскими политическими течениями (как открыто, так и квазифашистскими) в связи с вопросами иммиграции, а также борясь против развязанной США войны.

Также мы не можем просто рассматривать фашизм как белое / европейское течение. Он глубже, и он международен. Нам следует анализировать различные оппозиционные движения и критически подходить к тому, что, как и кого мы поддерживаем. Некоторые

люди думают, что те, кто борется против американского / британского империализма в Ираке или Афганистане заслуживают безоговорочной поддержки, но каковы политические взгляды этих групп? Хотим ли мы оказывать поддержку движениям, которые выступают против женщин, против гомосексуалистов, авторитарны и негативно настроены к политике, в которой участвуют широкие народные массы? Я бы сказал, что нет. Но для кого-то эти вопросы не имеют значения.

Я считаю, что нам надо по-настоящему и постоянно сохранять антифашистскую точку зрения. Антифашизм — это всеобъемлющий политический подход, применимый не только тогда, когда мы на улице дерёмся с наци-скинами.

КВ: Чтобы победить, нам нужно изучить своего противника, одолеть его и заменить.

Я не уверен, что у нас есть радикальное антифашистское движение, и я не уверен, что мы хотели бы называть себя «радикалами». Я всегда говорил, что я умеренный — экстремистами являются люди, которые хотят идти на компромиссы с фашистами!

БКШ: Наконец, какой самый лучший совет вы могли бы дать тому, кто недавно присоединился к движению, о том, как бороться с фашизмом и за свободное общество?

БЗФ: Думайте, будьте критичны и не относитесь к дебатам и анализу как к чему-то, что не имеет отношения к нашей борьбе. Тем не менее, не позволяйте сложным вопросам мешать вам и вашему движению действовать. Политическая ситуация меняется, и она может потребовать новых стратегий; обсудите это с теми, кто кажется серьёзным и проявляет интерес к вашим идеям. И, наконец, не забывайте о безопасности. Будьте умными, будьте осторожными, не ввязывайтесь в дело без каких-либо планов.

КВ: Знайте, каким вы хотите видеть мир. Знайте своего врага и помните вот что — нам надо побеждать фашистов каждый раз, им надо победить нас только однажды. Если они придут к власти, то мы покойники. Буквально.

Очень краткий список для ЧТЕНИЯ

A Revista Anarchica. Red Years Black Years: Anarchist Resistance to Fascism in Italy de Agostini, Mauro (etc). Prisoners & Partisans: Italian Anarchists vs. Fascism Anarchy Magazine. Searchlight and the State (available at <http://www.katesharpleylibrary.net>) Antifa.<http://www.antifa.org.uk>

Antifa Forum back issues (published by Anti-Fascist Forum, Toronto)

Anti-Racist Action. <http://www.anti-racist-action.org> and ARA Research Bulletin

Bullstreet, K. Bash the Fash: Anti-fascist Recollections 1984–1993

Cresciani, Gianfranco. The Proletarian Migrants: Fascism and Italian Anarchists in Australia (available at <http://www.takver.com/history/italian.htm>)

Fighting Talk back issues, (published by Anti-Fascist Action, UK)

Guerin, Daniel. Fascism and Big Business

Hamerquist, Don (etc.) Confronting Fascism: Discussion Documents for a Militant Movement (see also: <http://www.kersplebedeb.com/mystuff/books/fascism.html>) Hann, Dave and Steve Tilzey. No Retreat

Hewetson, John. Italian Workers Against Fascism (previously called Italy after Mussolini) McGowan, Rory. Claim No Easy Victories: An Anarchist Analysis of ARA and its Contributions to the Building of a Radical Anti-Racist Movement (Northeastern Anarchist and also available at http://www.anarkismo.net/newswire.php?story_id=327) No Pasaran. <http://www.libcom.org/features/nopasaran> Three Way Fight.<http://threewayfight.blogspot.com>

Местные ресурсы и издания

Антифа — правовой фронт. М., 2008

Дамье, В. Забытый Интернационал: международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. М., Т. 1. 2006, Т. 2. 2007.

Дать пизды! История антифа движения в России и Англии: 1984–2004. М., 2004.

Красная книга антифа. М., 2008.

Многоликое сопротивление. СПб., 2003.

О'Хара, Крейг. Философия панка: больше чем шум. М., 2006.

Bullet — старые рассказы о главном: антифашизм. Волжский, 2008.

Rash. Людей надо перевести на следующую ступень. «Что делать?»

Спецвыпуск «Баста!», февраль 2008.

Периодика

«Автоном» (<http://avtonom.org/index.php?sid=41>) «Антифашистский мотив» (<http://www.memorial.spb.ru/catalog/7h31>) «Антыфашык» (больше не выходит) «Воля» (<http://volja.nm.ru>)

«Линия фронта» (<http://www.redskins.ru/modules.php?name=frontline>) «ТумБалалайка» (<http://tumbalalaika.memo.ru/tumba1.htm>, больше не выходит) «Positive» (больше не выходит)

Организации

Панк-возрождение. Сообщество анархопанков СПб. (<http://pv.mahost.org/>)

Антифашистская ассоциация. (<http://afaspb.mahost.org/>)

Хакерская группа «Антифашисты России — Antifa Hack Теат» (info.hardcore.it/)

Примечания

[1] Штрассеризм основывается на возвращении к докапиталистическому порядку через форму «государственного феодализма», при котором каждый не только знает свое место, но и занимает его.